

Эксперт-криминалист

№ 3
2018

Федеральный научно-практический журнал

Издается с 2005 г.

Учредитель: Издательская группа "Юрист"

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охраны культурного наследия
Per. ПИ № ФС77-52166 от 19 декабря 2012 г.

Периодичность – 4 номера в год

Главный редактор:
Комиссарова Я.В.

Редакционный совет:
Ковалев А.В., Леканов Ю.И.,
Пинчук П.В., Рябов С.А.,
Смирнова С.А., Токарев П.И.,
Шишко А.В., Алиев Б.А. (Азербайджан),
Крайникова М. (Словакия),
Малевски Г. (Литва).

Главный редактор ИГ «Юрист»:
Гриб В.В.

Заместители главного редактора:
Бабкин А.И., Белых В.С., Ренов Э.Н.,
Платонова О.Ф., Трунцевский Ю.В.

**Научное редактирование
и корректура:**
Швечкова О.А.

Центр редакционной подписки:
(495) 617-18-88 — многоканальный

Отдел работы с авторами:
avtor@lawinfo.ru
(495) 953-91-08

Адрес редакции/издателя:
115035, г. Москва,
Космодамианская наб., д. 26/55,
стр. 7
<http://www.lawinfo.ru>

Подписной индекс по каталогам:
«Роспечать» — 20625,
Каталог российской прессы — 12429,
«Объединенный каталог» — 91912

**Подписаться можно также
на сайте: www.gazety.ru**

Формат 60x90/8. Печать офсетная.
Физ. печ. л. — 5. Усл. печ. л. — 5.
Общий тираж 1000 экз. Цена свободная.

Отпечатано в типографии
«Национальная полиграфическая группа».
248031, г. Калуга, п. Северный, ул. Светлая,
д. 2. Тел. (4842) 70-03-37
ISSN — 2072-442X

Номер подписан 09.07.2018.
Номер вышел в свет 18.07.2018.

Опубликованные статьи выражают мнение их авторов, которое может не совпадать с точкой зрения редакции журнала. Полная или частичная перепечатка авторских материалов без письменного разрешения редакции преследуется по закону.

Вниманию наших авторов! Отдельные материалы журнала размещаются в электронной правовой системе «КонсультантПлюс». Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) **eLIBRARY.RU**

Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

СОДЕРЖАНИЕ

- Богданова Т.В.** Методика анализа диалогов в судебной психолингвистической экспертизе по материалам следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий на предмет определения наличия и приемов оказываемого воздействия 3
- Галяшина Е.И.** Комплексная психолого-лингвистическая экспертиза текстов — дань моде или насущная необходимость? 6
- Конин В.В., Эсмантович Е.И.** Антикоррупционная экспертиза нормативных актов органов местного самоуправления: спорные вопросы..... 10
- Кошманов П.М., Кошманов М.П., Комнатин В.Г.** Способы конструирования росчерков в современных подписях российских граждан..... 13
- Хорошева А.Е.** Особенности оценки присяжными заседателями заключения судебно-медицинского эксперта по делу об убийстве при наличии гнилостно измененного или сожженного трупа..... 18
- ДОМ, В КОТОРОМ МЫ ЖИВЕМ...**
- Аверьянова Т.В.** Роль судебных экспертиз при доказывании по делам о торговле людьми..... 22
- Бобовкин М.В., Ручкин В.А.** О развитии судебно-почерковедческой диагностики 25
- Колотов С.М.** Объекты судебной экономической экспертизы в отношении операций с активами, созданными на основе технологии блокчейн..... 29
- Кузовлева О.В.** Возможности судебно-экспертного исследования бумаги поддельных денежных билетов с применением метода электронной микроскопии 31
- Майлис Н.П.** Нетрадиционные виды следов, используемые в раскрытии и расследовании преступлений..... 35
- Моисеева Т.Ф.** Понятие, возможности и перспективы использования биологических методов в судебной экспертизе и криминалистике 37
- ПРЕСС-РЕЛИЗ VI Международной научно-практической конференции «Уголовное производство: Процессуальная теория и криминалистическая практика» (г. Алушта, 26–27 апреля 2018 г.) 40**

Forensics analyst

Federal science-practice journal

No. 3
2018

Published from 2005

Founder: Publishing Group "JURIST"

REGISTERED AT THE FEDERAL SERVICE FOR THE MONITORING OF COMPLIANCE WITH THE LEGISLATION IN THE SPHERE OF MASS COMMUNICATIONS AND PROTECTION OF CULTURAL HERITAGE REG. PI № FC77-52166 of December 19, 2012.

Published quarterly

Editor in Chief:
Komissarova Ya.V.

Editorial Board:
Kovalev A.V., Lekanov Yu.I.,
Pinchuk P.V., Ryabov S.A.,
Smirnova S.A., Tokarev P.I.,
Shishko A.V., Aliev B.A. (Azerbaijan),
Krajnikova M. (Slovakia),
Malevski G. (Lithuania).

**Editor in Chief of Publishing Group
"JURIST":**
Grib V.V.

Deputy Editors in Chief:
Babkin A.I., Bely'kh V.S., Renov E'.N.,
Platonova O.F., Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:
Shvechkova O.A.

Editorial Subscription Centre:
(495) 617-18-88 — multichannel

Authors' Department:
avtor@lawinfo.ru
(495) 953-91-08

Editorial office / publisher:
Bldg. 7, 26/55 Kosmodamianskaya Emb.
Moscow, 115035
<http://www.lawinfo.ru>

Subscription in Russia:
"ROSPECHAT" catalogue —
20625, "Russian Post" — 12429,
United catalogue — 91912
and also at www.gazety.ru.

Size 60x90/8. Offset printing. Printer's sheet — 5.
Conventional printed sheet — 5.
Circulation 1000 copies. Free market price.

Printed by "National Printing Group".
248031, Kaluga, settlement Severnij,
street Svetlaya, h. 2. Tel. (4842) 70-03-37
ISSN — 2072-442X

Passed for printing 09.07.2018.
Issue is printed 18.07.2018.

The articles express opinions of their authors which do not necessarily coincide with the viewpoint of the editorial office of the journal. All rights reserved. Complete or partial reproduction of authors' materials without prior written permission of the Editorial Office shall be subject to legal persecution.

Attention our authors! Certain materials of the journal shall be placed at legal system "ConsultantPlus". Journal is included in the database of the Russian Science Citation Index **eLIBRARY.RU**

Included into the list of leading reviewed scientific journals and periodicals, where basic scientific results of doctoral and candidate theses shall be published.

CONTENTS

- Bogdanova T.V.** Methods of Dialog Analysis in Psycholinguistic Examination according to the Materials of Investigation Activities and Operative Investigation Activities for Determination of Ways of Exerting Influence and Their Application..... 3
- Galyashina E.I.** Complex Psycholinguistic Examination of Texts: a Tribute to Fashion or a Primary Need?..... 6
- Konin V.V., Esmantovich E.I.** Anti-Corruption Expert Examination of Legal Acts of Local Self-Governing Authorities: Disputable Issues 10
- Koshmanov P.M., Koshmanov M.P., Komnatin V.G.** Ways of Structuring Flourishes in Modern Signatures of Russian Citizens 13
- Khorosheva A.E.** Peculiarities of Assessment of a Forensic Expert Opinion on a Murder Case by Jury Members in case the Cadaver is Putrefactively Changed or Burned..... 18
- THE HOUSE WE LIVE IN ...**
- Averyanova T.V.** Role of Forensic Examinations in Evidence in Cases on Human Trafficking 22
- Bobovkin M.V., Ruchkin V.A.** On the Development of Forensic Handwriting Examination..... 25
- Kolotov S.M.** Objects of Forensic Economic Examination in Relation to Operations with Assets Based on the Blockchain Technology 29
- Kuzovleva O.V.** Capabilities of Forensic Expert Examination of Paper of Counterfeit Banknotes Using Electronic Microscopy 31
- Maylis N.P.** Unconventional Types of Traces Used in Solution and Investigation of Crimes 35
- Moiseeva T.F.** Notion, Capabilities and Perspectives of Using Biological Methods in Forensic Examination and Criminalistics 37
- PRESS RELEASE** of the VI International Scientific and Practical Conference Criminal Proceeding: Procedural Theory and Criminalistic Practice (Alushta, April 26 to 27, 2018)..... 40

Методика анализа диалогов в судебной психолингвистической экспертизе по материалам следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий на предмет определения наличия и приемов оказываемого воздействия*

Богданова Татьяна Владимировна,
доцент кафедры психологии
Смоленского государственного университета,
кандидат филологических наук
tanbogdan@mail.ru

Автором предложено использовать при проведении судебных экспертных исследований аудио-, видеоматериалов следственных действий (допрос, очная ставка) и оперативно-розыскных мероприятий анализ диалогов с опорой на имеющиеся в науке исследования характерных особенностей диалогических единств. Особое внимание в статье уделено фиксации и декодированию косвенных речевых актов, анализ которых в значительной степени повышает возможности выявления не только имплицитной информации, но и интенций (намерений) участников диалога, скрытых приемов психологического воздействия. В статье изложены общие положения методики такого рода исследований.

Ключевые слова: судебная психолингвистическая экспертиза, экспертное исследование, минимальное диалогическое единство, косвенный речевой акт.

The author proposes to use audio and video materials of investigation activities (interview, face-to-face interrogation) and operational investigation activities in forensic examination for the analysis of dialogs based on scientific research of peculiarities of dialog unities. Special attention is paid to fixation and decoding of indirect speech acts, analysis of which significantly enhances the opportunities of detecting not only implicit information but intentions (meanings) of participants of the dialog, hidden ways of psycholinguistic influence. The article explains general considerations on methods of such research.

Keywords: forensic psycholinguistic examination, expert examination, minimum dialog unity, indirect speech act.

Показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля являются доказательством по делу (ст. 74 УПК РФ). Те доказательства, которые получены с нарушением требований УПК РФ, являются недопустимыми (ст. 75 УПК РФ). Для установления фактов нарушения может быть назначена судебная экспертиза, объектом исследования которой является коммуникативная деятельность участников оперативного или следственного действия, зафиксированного на аудио-, видеозаписи. Предметом экспертного исследования будут особенности коммуникативной деятельности участников оперативного или следственного действия, зафиксированного на аудио-, видеозаписи (в том числе особенности устной речи, вербального и невербального поведения), и особенности эмоционального состояния допрашиваемого (опрашиваемого) в процессе коммуникации¹.

Различия подходов к исследованию продуктов речевой деятельности в психологической, лингвистической, психолого-лингвистической и психолингвистической экспертизе не раз становились предметом обсуждения в среде специалистов. Отметим лишь необходимые для понимания решаемых экспертом задач характеристики психолингвистической экспертизы.

«Психолингвистическая экспертиза исследует речь как форму психической активности, речевую деятельность, психическую деятельность человека в момент

речевой коммуникации, процессы производства и восприятия знаков языка. Вопросы языкового воздействия относятся к области психолингвистического исследования. <...> Воздействовать на реципиента может только смысл слов, но не их значение. В функционировании же языка встречается вполне недвусмысленные, индивидуальные и не всегда соответствующие словарным определениям варианты контекстуального употребления лексических единиц. Для их анализа адекватен не узкоспециальный лингвистический подход, а только междисциплинарный психолингвистический»².

«Комплексная, в частности психолингвистическая, экспертиза рассматривает текст не как «вещь в себе», обладающую определенным «правильным» значением, а как инструмент воздействия в деятельностно-коммуникативной системе, включающей, по меньшей мере, три звена: намерения и цели коммуникатора, использованные им языковые средства и результат (восприятие и воздействие)»³.

Мы разделяем позицию тех ученых, кто полагает, что «использование теории речевых актов в лингвистической экспертизе позволяет достоверно квалифицировать определенные высказывания, содержащиеся в анализируемом тексте, как действия с помощью слов, подлежащие впоследствии, в процессе судопроизводства, правовой оценке»⁴.

* Methods of Dialog Analysis in Psycholinguistic Examination according to the Materials of Investigation Activities and Operative Investigation Activities for Determination of Ways of Exerting Influence and Their Application

Bogdanova Tatyana V., Associate Professor of the Department of Psychology of the Smolensk State University, Candidate of Philological Sciences

По мнению А.Н. Баранова, «использование инструментария теории речевых актов дает возможность не только правильно квалифицировать коммуникативную направленность анализируемого высказывания (речевого акта), но и проверить себя, соотнеся анализируемое выражение с соответствующим набором условий успешности, характеризующим речевой акт»⁵.

Применительно к теме статьи, надо сказать, что речевым материалом для исследования чаще всего является диалог, запечатленный на аудио-, видеозаписи допроса или иного следственного действия, оперативно-розыскного мероприятия. Предлагаемая нами методика в своей основе опирается на иной подход, нежели опубликованные ранее⁶.

Речевой акт (РА) — минимальный, относительно самостоятельный отрезок процесса коммуникации, коммуникативной деятельности, совершаемой субъектом по отношению к определенному адресату в определенных конкретных условиях с определенными намерениями.

Всякая реплика в диалоге как речевой акт содержит формальную сторону (звук, слова, предложения) и содержательную: информацию о некотором фрагменте реальной или предполагаемой действительности (*пропозицию*), а также намерение говорящего добиться от адресата определенной реакции путем передачи пропозиционального компонента содержания (*иллокуцию*). Всякий речевой акт оказывает последующее воздействие на его участников (*перлокутивный эффект*). При этом имеется в виду не сам факт понимания адресатом смысла высказывания, а те изменения, которые являются результатом (чувства, мысли и действия) этого понимания («перлокутивное действие, которое достигает определенного результата посредством произнесения каких-то слов»⁷).

Таким образом, для того чтобы ответить на вопросы о содержании диалога, целях, реализуемых в нем участниками, и внеречевых последствиях беседы (мысли, чувства, действия, установки), необходимо проанализировать пропозицию, иллокуцию и перлокуцию речевых актов.

При анализе следует учитывать характерные особенности диалогической речи, а именно отличие диалога от других сфер функционирования языка, которое заключается прежде всего:

1) в широком использовании неформальных связей в диалогических текстах. Грамматические связи реплик менее выражены, чем в других формах речевой деятельности, более акцентированы связи смысловые — контекстные, продиктованные ситуацией общения и фоновыми знаниями ее участников.

Например, «Хочешь яблоко?» — «Спасибо. Ты же знаешь. Буду пользоваться своим старым» (отказ от технического средства марки «Apple»);

2) в активности косвенных речевых актов (КРА) в диалоге⁸, посредством которых говорящий передает слушающему большее содержание, чем то, которое он реально сообщает. Он делает это, опираясь на общие фоновые знания, как языковые, так и экстралингвистические, а также на общие особенности рассуждения, подразумеваемые им у слушающего.

Например, «Хочешь яблоко?» — «Спасибо. Ты же знаешь. Буду пользоваться своим старым» (адресат напоминает о некоторых обстоятельствах отказа, о которых адресанту и ранее, по его мнению, было известно, а следовательно, предложение последнего (РА) носит характер намеренного акцентирования противоречия между имеющимися желаниями и возможностями адресата — провоцирование);

3) экспликация в диалоге ряда особых постулатов общения, призванных показать, что вовлечение в данный конкретный диалог партнеров коммуникации не является случайным, что поставленные в диалоге коммуникативные цели могут быть достигнуты (Постулаты Грайса⁹).

Например, «Хочешь яблоко?» — «Спасибо. Ты же знаешь. Буду пользоваться старым» (вежливая форма отказа адресата, намекающая на то, что причины отказа вполне прогнозируемы и заранее известны адресанту; но это же значит, что адресант все же не считает их существенными или фатальными, иначе его реплика (РА) не имела бы смысла).

В основе исследований, посвященных структуре диалога, лежат идеи А.Н. Баранова и Г.Е. Крейдлина, которые ввели понятие «*минимальной диалогической единицы*» (МДЕ)¹⁰ как совокупности речевых актов, связанных единой темой и отношениями иллокутивного вынуждения. Термином «*иллокутивное вынуждение*» авторы обозначают такую связь отдельных реплик друг с другом, при которой реплика одного участника диалога вынуждает реплику другого участника¹¹.

Иллокутивное вынуждение в диалоге может быть представлено:

— эксплицитно (явно, семантически и грамматически выражено), например, «Сколько времени?» — «Сейчас пять часов»;

— имплицитно (неявно, косвенно), например, «Сколько времени?» — «Сейчас заканчиваю» (человек понимает, что вопрос вызван беспокойством о том, что времени осталось немного, поэтому завершает некоторое действие; вопрос фактически является побуждением/приказом к завершению действия).

При построении разговорных текстов вообще и особенно диалогических широко используется объединяющая адресанта и адресата предельно насыщенная и конкретная их *апперцепционная база* — те фоновые знания, тот опыт говорящих, которые так или иначе могут входить при разговорном общении в коммуникацию, прямо взаимодействуя с ее вербальной семантико-синтаксической структурой¹².

Различаются обще- и частично-апперцепционная базы. Обще-апперцепционная база объединяет всех или, во всяком случае, многих носителей языка. Частично-апперцепционная база — это те фоновые знания, которые объединяют только какой-то микроколлектив носителей языка. И если стороннему слушателю (например, эксперту, следователю, судье) диалог представляется лишенным смысла, нелогичным, фатическим, это в значительной степени свидетельствует, что у психических вменяемых собеседников наличествует апперцепционная база, позволяющая им понимать свой «птичий» язык.

Следовательно, для того чтобы ответить на вопросы о наличии оказываемого влияния (внушения, давления, вынуждения, принуждения, подавления), необходимо проанализировать содержание диалога, цели, реализуемые в нем коммуникантами, и внеречевые последствия беседы (изменения в когнитивной сфере, чувствах, действиях, установках). Анализ представленного текста (вербального и невербального) должен быть проведен с учетом его характерных особенностей: широкого использования неформальных связей, наличия косвенных высказываний разных видов, с явной и скрытой формой выраженности обусловленности; с учетом причинно-следственной значимости общих и индивидуальных фоновых знаний участников общения.

Структура анализа, по нашему мнению, должна быть следующей:

1. Выделение минимальных диалогических единств (МДЕ), которое позволит сделать анализ поэтапным и последовательным.

2. Выявление содержательного (пропозиция) и смыслового компонента (интенции/намерения) в каждой МДЕ, посредством анализа эксплицитно и имплицитно¹³ выраженного иллокутивного вынуждения, а также фиксация их последствий (реальных или гипотетических) в психической деятельности участника диалога (эффект перлокуции). Это позволит очертить круг затронутых в беседе тем и их развитие, динамику реализуемых в диалоге намерений и изменений, произведенных посредством него в когнитив-

ной (познания), аффективной (эмоции) и поведенческой сферах.

3. Определение характера коммуникативной, количественной, содержательной активности адресата и адресанта, для того чтобы определить степень их активности и инициативности в диалоге в целом и по определенным темам беседы (МДЕ) в частности¹⁴.

4. Анализ связей МДЕ в рамках диалога в целом (с особым вниманием к эксплицитно неявным, нелогичным, невыраженным связям, иллокутивно независимым МДЕ и РА) с целью выявления общей направленности диалога — прагматического фокуса текстового акта.

Речевые акты не существуют сами по себе, а соединяются в соседних высказываниях, в тексте. Можно даже говорить о едином *текстовом акте*, соотношенном с общей стратегией текста, связанном с доминантной целью, интенцией данного текста. Такую общую или доминантную цель текста называют *прагматическим фокусом текстового акта*. Например, рекламный текст (вербальный и невербальный его компоненты) может выполнять различные функции, сочетая в себе ассертивы (информация о продукте, в том числе и изображения), комиссивы (например, гарантии качества или безопасности), экспрессивы (выражение восхищения товаром и его качествами, в том числе и через эстетику изобразительного ряда) и другие речевые акты. При этом прагматическим фокусом рекламы всегда является директива: *Пойди и купи!*¹⁵

5. На основании полученного материала формулирование выводов по вопросам, поставленным перед экспертом.

Литература

- Баранов А.Н. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога / А.Н. Баранов, Г.Е. Крейдлин // Вопросы языкознания. 1992. № 2. С. 84–99.
- Баранов А.Н. Лингвистика в лингвистической экспертизе (Метод и истина) / А.Н. Баранов // Вестник ВолГУ. Серия «Языкознание». 2017. Т. 16. № 2. С. 18–27.
- Безяева М.Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка: волеизъявление и выражение желания говорящего в русском диалоге / М.Г. Безяева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. 752 с.
- Бердникова Т.В. Лингвистический анализ диалога при производстве экспертиз, связанных с изучением проведения следственных действий (на примере допросов и проверки показаний на месте) / Т.В. Бердникова // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 2 (42). С. 80–84.
- Брызгунова Е.А. Средства выражения неизвестного в вопросе (взаимодействие лексики, контекста и интонации) / Е.А. Брызгунова // Русская грамматика: научные труды. В 2 т. / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова, 2005. Т. 2. С. 397–401.
- Гагина О.В. Психолого-лингвистическое исследование видеозаписи допроса: проблемы и возможные пути их решения / О.В. Гагина, В.О. Кузнецов, Т.Н. Секараж // Психология и право. 2015. № 2. С. 93–104.
- Грайс Г.П. Логика и речевое общение / Г.П. Грайс; пер. с англ. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 217–237.
- Кашкин В.Б. Введение в теорию коммуникации / В.Б. Кашкин. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. 175 с.
- Леонтьев Д.А. Комплексная гуманитарная экспертиза: методология и смысл / Д.А. Леонтьев, Г.В. Иванченко. М.: Смысл, 2008. 135 с.
- Лисовцева В.М. Экспертиза текста: психологический и лингвистический аспекты / В.М. Лисовцева, Л.Г. Петрова // Эксперт-криминалист. 2014. № 3. С. 26–29.
- Остин Дж. Избранное / Дж. Остин. М., 1999. 332 с.
- Радбиль Т.Б. Возможности и перспективы применения теории речевых актов в лингвистической экспертизе / Т.Б. Радбиль, В.А. Юматов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 1. С. 286–290.
- Радбиль Т.Б. Способы выявления имплицитной информации в лингвистической экспертизе / Т.Б. Радбиль, В.А. Юматов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 3. С. 81–21.
- Шатуновский И.Б. 6 способов косвенного выражения смысла / И.Б. Шатуновский // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог 2004». М.: Наука, 2004. С. 666–670.
- Ширяев Е.Н. Семантико-синтаксическая структура русского разговорного диалога / Е.Н. Ширяев // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 132–147.
- Гагина О.В., Кузнецов О.В., Секараж Т.Н. Психолого-лингвистическое исследование видеозаписи допроса: проблемы и возможные пути их решения // Психология и право. 2015. № 2. С. 97.
- Лисовцева В.М., Петрова Л.Г. Экспертиза текста: психологический и лингвистический аспекты // Эксперт-криминалист. 2014. № 3. С. 26–29.
- Леонтьев Д.А., Иванченко Г.В. Комплексная гуманитарная экспертиза: методология и смысл. М., 2008. С. 55–56.
- Радбиль Т.Б., Юматов В.А. Возможности и перспективы применения теории речевых актов в лингвистической экспертизе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 1. С. 287.
- Баранов А.Н. Лингвистика в лингвистической экспертизе (Метод и истина) // Вестник ВолГУ. Серия «Языкознание». 2017. Т. 16. № 2. С. 24.
- Бердникова Т.В. Лингвистический анализ диалога при производстве экспертиз, связанных с изучением проведения следственных действий (на примере допросов и проверки показаний на месте) // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 2 (42). С. 80–84.
- Остин Дж. Избранное. М., 1999. С. 103.
- Шатуновский И.Б. Шесть способов косвенного выражения смысла // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды международной конференции «Диалог 2004». М., 2004. С. 668–669.
- Грайс Г.П. Логика и речевое общение / пер. с англ. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 222–223.
- Баранов А.Н., Крейдлин Г.Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. 1992. № 2. С. 85.
- Там же. С. 84–99.
- Ширяев Е.Н. Семантико-синтаксическая структура русского разговорного диалога // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 132.
- См.: Безяева М.Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка: волеизъявление и выражение желания говорящего в русском диалоге. М., 2002; Брызгунова Е.А. Средства выражения неизвестного в вопросе (взаимодействие лексики, контекста и интонации) // Русская грамматика: научные труды. В 2 т. / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М., 2005. Т. 2. С. 397–401; Радбиль Т.Б., Юматов В.А. Способы выявления имплицитной информации в лингвистической экспертизе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 3. С. 81–21; Баранов А.Н. Семантика угрозы в лингвистической экспертизе текста. URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2013/materials/pdf/BaranovAN.pdf> (дата обращения: 06.04.2018); и др.
- Баранов А.Н. Активность участника коммуникации: методы лингвистического анализа. URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2014/materials/pdf/BaranovAN.pdf> (дата обращения: 14.04.2018).
- Кашкин В.Б. Введение в теорию коммуникации. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. С. 100.

Комплексная психолого-лингвистическая экспертиза текстов — дань моде или насущная необходимость?*

Галяшина Елена Игоревна,

заместитель заведующего кафедрой,
профессор кафедры судебных экспертиз
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, доктор филологических наук, профессор,
академик Российской академии естественных наук (РАЕН)
egalyashina@gmail.com

В статье рассматриваются проблемы комплексной психолого-лингвистической экспертизы текстов (письменных текстов, звучащей речи на фонограммах и видеофонограммах, поликодовых текстов, текстов интернет-коммуникации и др.). Обсуждается необходимость применения комплекса специальных психологических знаний в дополнение к лингвистическим для решения вопросов диагностики содержательно-смысловой направленности текстов и определения их прагматики, а также обязательность или факультативность тандема лингвиста с психологом.

Ключевые слова: текст, комплексная экспертиза, психолого-лингвистическая экспертиза, речевая деятельность, методика.

The article considers the problems of complex psycho-linguistic expertise of texts (written texts, the speech in the audio recordings and videotape, polidovich texts, texts, Internet communications, etc.). The article discusses the need to use a set of special psychological knowledge in addition to linguistic to solve the problems of diagnosis of content and semantic orientation of texts and determining their pragmatism, as well as the mandatory or optional tandem linguist with a psychologist.

Keywords: text, comprehensive examination, psycho-linguistic examination of speech activity, methods.

Судьба комплексной психолого-лингвистической экспертизы текстов сегодня во многом повторяет становление и формирование лингвистической экспертизы в начале 2000-х, когда, как писал Г.М. Резник, «пожалуй, нет ни одного дела о криминализованных словах — клевете, оскорблении, возбуждении национальной или религиозной вражды, призывы к экстремистской деятельности, — по которым не назначалась бы лингвистическая экспертиза»¹.

Образно выражаясь, сейчас на «психолого-лингвистическую иглу» подседел уголовное правосудие. Следователи, дознаватели, требуя психолого-лингвистического разъяснения уже даже не значения слова или высказывания, но смысла сказанного, написанного, нарисованного или продемонстрированного жестом, мимикой, позой и тому подобными знаками, обращаются за помощью не к научным авторитетам в области языка и речи (языковедам, речеведам), а к комиссии, состоящей из эксперта-психолога и эксперта-лингвиста. Причем за редким исключением в состав комиссии включаются либо работники частных, негосударственных компаний, либо преподаватели вузов, а то и просто индивидуальные предприниматели, выполняющие судебные экспертизы на возмездной основе.

По мнению О.В. Кукушкиной, Ю.А. Сафоновой и Т.Н. Секераж, основаниями назначения судебной психолого-лингвистической экспертизы для следственных и судебных органов являются: потребность в установле-

нии обстоятельств, влияющих на квалификацию деяния (значение и направленность высказываний), степень и характер ответственности виновного (осознанность и целенаправленность действий), потребность в выяснении мотивов преступления².

Так, например, в одном из постановлений о назначении комплексной психолого-лингвистической экспертизы по уголовному делу коррупционной направленности (ст. 290 УК РФ) было указано, что ее проведение необходимо «для установления намерений, понимания одним участником разговора тем, поднимаемых другим участником разговора относительно передачи взятки, участия лиц в беседах, а также выяснения иных вопросов» (здесь и далее цитируются материалы из личного архива автора статьи. — Е.Г.).

На разрешение экспертов были вынесены вопросы:

1. Каковы темы и предмет разговоров, зафиксированных на фонограммах в представленных файлах?
2. Имеются ли на фонограммах признаки понимания каждым из участников беседы ситуации и обстоятельств коммуникации?
3. Учитывая текст, контекст, особенности невербального поведения участников разговора, имелась ли у них договоренность о встрече и совершенных на этой встрече действиях?
4. Имеются ли в речевом поведении каждого участника беседы признаки скрывааемых обстоятельств, элементы

* Complex Psycholinguistic Examination of Texts: a Tribute to Fashion or a Primary Need?

Galyashina Elena I., Deputy Head of the Department of Forensic Examinations of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Doctor of Philology, Professor, Member of the Russian Academy of Natural Sciences (RANS)

недосказанности, иносказания? Если да, то в чем они выражаются? Понимает ли один участник то, что говорит ему другой участник? Как реагирует участник на элементы недосказанности или иносказания, проявляющиеся в речи другого участника, а также на его вербальное и невербальное поведение? О чем свидетельствуют проявившиеся у участника реакции на речевое поведение его собеседника?

5. Имеются ли на видеофонограмме, запечатлевшей встречу двух участников беседы, признаки, свидетельствующие о естественности / неестественности поведения собеседников при обсуждении тех или иных тем?

По другому уголовному делу также коррупционной направленности на разрешение комплексной психолого-лингвистической экспертизы были вынесены вопросы:

1. Каковы основные темы высказываний в рукописных письмах (записках)?

2. Что является целью основных тем записок? Какие языковые, психологические факты свидетельствуют об этом?

3. Следует ли из совокупности содержания записок, что их автор совершал действия, направленные на создание условий для передачи должностному лицу взятки? Какие языковые и психологические факты свидетельствуют об этом?

4. Каковы индивидуально-психологические особенности личности автора писем (записок)? Могли ли индивидуально-психологические особенности личности автора писем (записок) оказать влияние на характер противоправных действий, рассматриваемых в материалах дела?

Беглый анализ приведенных примеров формулировок вопросов (список которых далеко не исчерпывающий), выносимых на разрешение комплексной психолого-лингвистической экспертизы, показывает, что они либо относятся согласно паспорту научной специальности к компетенции прикладной или теоретической лингвистики, либо вообще выходят за пределы специальных знаний как лингвиста, так и психолога.

Четкого перечня вопросов, которые относятся к предмету именно комплексной психолого-лингвистической экспертизы, не существует. В методических рекомендациях, посвященных данной проблематике, они также разнятся, а следователи и дознаватели не могут удержаться от искушения поставить перед экспертами вопросы, направленные на установление целей и мотивов действий авторов письменных или устных высказываний как субъектов правонарушений.

За прошедшие почти полтора десятка лет эксперты-лингвисты (надо отдать им должное) во многом ликвидировали языковую безграмотность участников документационных и информационных споров и конфликтов и просветили юристов на предмет того, для решения каких вопросов какие именно лингвистические специальные знания могут быть востребованы при установлении фактов, имеющих значение доказательств по речевым деликтам³.

Анализируя состояние и перспективы судебной психологической и судебной лингвистической экспертиз, Т.Н. Секераж и В.О. Кузнецов высказывают мнение, что развитие данных видов экспертиз идет по пути интеграции знаний и их применения. Перспективу комплексной психолого-лингвистической экспертизы авторы связывают с наиболее актуальными направлениями экспертных исследований, которые требуют первоочередного методического обеспечения: «Это экспертизы по делам коррупционной направленности; по делам, связанным с оскорблением чувств верующих; информационных материалов, предназначенных для детей; по материалам опе-

ративных и следственных действий с целью установления влияния на содержание показаний; опросов (допросов) несовершеннолетних потерпевших по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности; экспертиза текстов религиозного характера. Требуют также разработки проблемы подготовленности звучащей речи, дистанционной диагностики эмоционального состояния говорящего, коммуникативного анализа, звучащего текста и другие»⁴.

Таким образом, указанные авторы констатируют отсутствие разработанных и апробированных методик комплексной психолого-лингвистической экспертизы, за исключением единственной методики исследования текстов экстремистской направленности⁵.

Отсутствие единого научно-методического подхода к проведению комплексных психолого-лингвистических экспертиз влечет вкусовщину и неразборчивость в выборе методов и средств, перечисление которых в заключениях комплексных психолого-лингвистических экспертиз носит чаще всего декларативный характер, так как фактические результаты применения каждого из методов найти затруднительно.

Анализ заключений комплексных психолого-лингвистических экспертиз показывает, что они, по сути, носят не комплексный, а однородный комиссионный характер, где основная часть исследования представляет собой лингвистическое описание плана содержания исследуемого языкового материала с небольшими добавлениями элементов психосемантики или психолингвистики.

Так, в некоторых экспертных заключениях можно встретить примерно такое описание «методологии исследования»: *«Поскольку на разрешение экспертов представлен список вопросов, относящихся к компетенции экспертов психолога и лингвиста, то в связи с этим применялась комплексная методология исследования, обоснованная в теоретических трудах по теории речевой деятельности. Речь коммуникантов, содержащая лингвистические и психологические характеристики, рассматривается как один из видов деятельности человека, который наряду с другими видами деятельности и поведения, позволяет диагностировать внутренние психические процессы. Эти процессы, имея языковую форму выражения, не могут быть отделены от речевого поведения, поэтому при проведении комплексной психолого-лингвистической судебной экспертизы является необходимым соединением методов и приемов психологии и лингвистики, применение единых подходов к описанию результатов психологического и лингвистического видов анализов. В качестве основных методов использованы следующие. Лингвистические методы: предметно-тематический анализ и анализ текста по ключевым словам, лексико-семантический, контекстуальный, коммуникативный, грамматический, сравнительный анализ. Психологические методы: психологический анализ продуктов речевой деятельности и коммуникативного поведения, наблюдение, элементы контент-анализа, метод обобщения независимых характеристик, психосемантический, сравнительный анализ. Объектом экспертного исследования выступили видео- и аудиозаписи разговоров, содержащиеся на представленных комиссии носителях (компакт-дисках). Предмет исследования — содержание разговоров, а также особенности взаимодействия их участников»⁶.*

Большинство ученых сходятся во мнении, что «при производстве психолого-лингвистической экспертизы текста в компетенцию экспертов входит установление значения текста»; «то, что именно сказано, исследуется

филологами»; «направленность сказанного исследуется психологами»⁷.

В этой связи нам представляется уместным привести мнение экспертов ЭКЦ МВД России, считающих проведение комплексного психолого-лингвистического исследования материалов экстремистской направленности избыточным и не мотивированным необходимостью решения типовых задач, которые эффективно решаются методами лингвистической экспертизы: «В случаях, когда криминалистически значимым объектом выступает вербально выраженный текст, он в полной мере может быть исследован только лингвистом. Заключение эксперта-лингвиста достаточно для обеспечения доказательной базы, о чем свидетельствует практика судопроизводства»⁸.

Т.В. Назарова и А.А. Громова, полемизируя с Т.П. Будаковой и Г.А. Воеводиной⁹, выражают свое несогласие с тем, что качество экспертного заключения существенно повышается при проведении комплексной судебной психолого-лингвистической экспертизы, поскольку чисто лингвистический подход часто не позволяет достигнуть цель судебной экспертизы, которая заключается в объективном доказывании фактов.

Мы солидарны в этом вопросе с Т.В. Назаровой и А.А. Громовой, которые полагают, что позиция, изложенная в статье Т.П. Будаковой и Г.А. Воеводиной, относительно субъективного характера выводов лингвиста, отсутствия у него инструментария для анализа ситуации реализации высказываний не только уязвима, но и, конечно, не соответствует представлению о современной лингвистике как области науки.

Так, например, в содержание научной специальности 10.02.21 «Прикладная и математическая лингвистика» включено изучение специфических современных практических задач как собственно лингвистики, так и других областей знания, в частности, семиотики, информатики, логики, кибернетики, акустики; лингвистической синергетики и др. В содержание специальности 10.02.19 «Теория языка» входят основные разделы и методы современной лингвистической науки, современные представления об основных компонентах, единицах и правилах естественного языка, а также о методах их изучения, включая такие направления, как «Социолингвистика» и «Психолингвистика»¹⁰.

Кроме того, типовая методика лингвистической экспертизы¹¹ вполне применима к решению широкого круга вопросов по всему спектру уголовных дел, в том числе таких, как угроза жизни и здоровью, склонение к совершению каких-либо преступных действий, распространение сведений, содержащих государственную тайну, провокация, дача или получение взятки, совершение в отношении несовершеннолетних развратных действий, распространение наркотических средств, а также, при необходимости, для определения ролей и функции коммуникантов при расследовании преступлений, совершенных членами организованных групп, преступных сообществ и т.п.

Можно согласиться с тем, что «анализ коммуникативной ситуации реализации высказывания, смыслового содержания, коммуникативной целеустановки говорящего, определения формы, ситуативной уместности высказывания является предметом исследования эксперта-лингвиста, что априори входит в его компетенцию согласно профилю высшего образования, в данной области знания и может всесторонне и полно быть исследовано без участия психолога при производстве лингвистической экспертизы»¹².

В современной науке существует точка зрения, что психология и лингвистика в исследовании языка и речи имеют общий объект, но предмет их различен. Взаимное

дополнение психологических и лингвистических данных многими учеными рассматривается как форма системного подхода к исследованию речи и языка. Лингвистика широко сегодня использует психолингвистическую ориентацию, исследуя продукты речевой деятельности в психолингвистическом ракурсе. Однако в силу исторических обстоятельств психология и лингвистика понимаются как разные сферы знания¹³.

В этой связи на данном этапе развития комплексной психолого-лингвистической экспертизы, по нашему мнению, не следует повторять былые ошибки «лингвистической наркотизации» судопроизводства, формируя моду для пущей важности на тандем психолога и лингвиста там, где профессиональный и квалифицированный лингвист вполне может решить задачу установления значения текста в силу своих специальных знаний.

Коль скоро лингвистическая часть семантического исследования текста является обязательной и неотъемлемой базовой составляющей любой комплексной психолого-лингвистической экспертизы, а психологическая часть является фактически факультативной, вопрос о целесообразности проведения комплексной экспертизы может быть поставлен в том случае, когда вопросы, вынесенные на разрешение эксперта в целях установления содержания или содержательно-смысловой направленности текста, выходят за пределы собственно лингвистических знаний, и лингвист заявляет соответствующее ходатайство о привлечении сведущего лица другой экспертной специальности.

Литература

1. Баранов А.Н. Активность участника коммуникации: методы лингвистического анализа / А.Н. Баранов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 4–8 июня 2014 г.). Вып. 13 (20). М. : Изд-во РГУ, 2014. С. 43–53.
2. Будакова Т.П. Судебная психолого-лингвистическая экспертная оценка оскорбительности словесных выражений / Т.П. Будакова, Г.А. Воеводина // Эксперт-криминалист. 2015. № 4. С. 3–5.
3. Галяшина Е.И. Ситуационный подход как средство повышения качества судебной лингвистической экспертизы / Е.И. Галяшина // Ситуационный подход в юридической науке и практике: современные возможности и перспективы развития : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 15-летию научной школы криминалистической ситуологии БФУ им. И. Канта. Калининград, 2017. С. 245–249.
4. Галяшина Е.И. Проблемы повышения эффективности и качества судебной лингвистической экспертизы / Е.И. Галяшина // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 2. С. 34–36.
5. Комиссарова Я.В. Использование заключения эксперта-психолога в уголовном судопроизводстве / Я.В. Комиссарова, Е.Н. Холопова // Российский следователь. 2005. № 12. С. 18–20.
6. Кукушкина О.В. Методика проведения комплексной судебной психолого-лингвистической экспертизы по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму / О.В. Кукушкина, Ю.А. Сафонова, Т.Н. Секераж. М. : ФБУ РФЦСЭ, 2014. 98 с.
7. Кукушкина О.В. Теоретические и методические основы производства судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам,

- связанным с противодействием экстремизму / О.В. Кукушкина, Ю.А. Сафонова, Т.Н. Секераж. М. : ЭКОМ — ООО «ЭКРМ Паблишерз», 2011. 330 с.
8. Назарова Т.В. Лингвистическое исследование устных и письменных текстов / Т.В. Назарова, Е.А. Гримайло, Н.Ю. Мамаев, А.П. Коршиков и др. // Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. I / под ред. канд. тех. наук Ю.М. Дильдина ; общ. ред. канд. тех. наук В.В. Мартынова. М. : ЭКЦ МВД России, 2010. С. 243–292.
 9. Назарова Т.В. Возможности современной лингвистической экспертизы, проводимой в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации / Т.В. Назарова, А.А. Громова // Эксперт-криминалист. 2017. № 4. С. 26–28.
 10. Психолингвистика : учебник для вузов / под ред. Т.Н. Ушаковой. М. : ПЕР СЭ, 2006. 416 с.
 11. Секераж Т.Н. Комплексная судебная психолого-лингвистическая экспертиза: формы, виды, перспективы развития / Т.Н. Секераж, В.О. Кузнецов // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 4 (44). С. 98–107.
- качества судебной лингвистической экспертизы // Ситуационный подход в юридической науке и практике: современные возможности и перспективы развития : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 15-летию научной школы криминалистической ситуологии БФУ им. И. Канта. Калининград, 2017. С. 245–249 ; Галяшина Е.И. Проблемы повышения эффективности и качества судебной лингвистической экспертизы // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 2. С. 34–36.
4. Секераж Т.Н., Кузнецов В.О. Комплексная судебная психолого-лингвистическая экспертиза: формы, виды, перспективы развития // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 4 (44). С. 103.
 5. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Методика проведения комплексной судебной психолого-лингвистической экспертизы по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М. : ФБУ РФЦСЭ, 2014.
 6. Цит. по заключению комиссии экспертов № 097/17 от 28.04.2017 (комплексная психолого-лингвистическая экспертиза по уголовному делу). Из архива АНО «СОДЭКС МГЮА им. О.Е. Кутафина».
 7. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Теоретические и методические основы производства судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму... С. 23.
 8. Назарова Т.В., Громова А.В. Возможности современной лингвистической экспертизы, проводимой в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации // Эксперт-криминалист. 2017. № 4. С. 27.
 9. Будякова Т.П., Воеводина Г.А. Судебная психолого-лингвистическая экспертная оценка оскорбительности словесных выражений // Эксперт-криминалист. 2015. № 4. С. 3–5.
 10. URL: <http://vak.ed.gov.ru/316> (дата обращения: 04.05.2018).
 11. Назарова Т.В., Гримайло Е.А., Мамаев Н.Ю., Коршиков А.П. и др. Лингвистическое исследование устных и письменных текстов // Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. I / под ред. канд. тех. наук Ю.М. Дильдина. ; общ. ред. канд. тех. наук В.В. Мартынова. М. : ЭКЦ МВД России, 2010. С. 243–292.
 12. Назарова Т.В., Громова А.В. Указ. соч. С. 28.
 13. Психолингвистика : учебник для вузов / под ред. Т.Н. Ушаковой. М. : ПЕР СЭ, 2006. С. 9–15.
- ¹ Резник Г.М. Предисловие юриста // Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика : учебное пособие / А.Н. Баранов. М. : Флинта : Наука, 2007. С. 4.
 - ² Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Теоретические и методические основы производства судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. М. : ЭКОМ — ООО «ЭКРМ Паблишерз», 2011. С. 18.
 - ³ См., напр.: Баранов А.Н. Активность участника коммуникации: методы лингвистического анализа // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 4–8 июня 2014 г.). Вып. 13 (20). М. : Изд-во РГГУ, 2014. С. 43–53 ; Галяшина Е.И. Ситуационный подход как средство повышения

Антикоррупционная экспертиза нормативных актов органов местного самоуправления: спорные вопросы*

Конин Владимир Владимирович,
доцент кафедры уголовно-процессуального права
Северо-Западного филиала Российского государственного
университета правосудия,
кандидат юридических наук, доцент
vkonin.kld@yandex.ru

Эсмантович Евгений Игоревич,
старший преподаватель кафедры теории и истории
государства и права юридического факультета
Учреждения образования «Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины»
ehsirina@yandex.by

Принимаемые органами местного самоуправления решения нуждаются в контроле, в том числе на предмет наличия коррупциогенных факторов. Антикоррупционная экспертиза позволяет выявить коррупционные составляющие нормативного акта и не допустить его принятия. Антикоррупционную экспертизу, несмотря на название, проводят не эксперты, а должностные лица органов прокуратуры, Министерства юстиции РФ, иные должностные лица.

Ключевые слова: органы местного самоуправления, коррупция, антикоррупционная экспертиза, судебная экспертиза, эксперт.

Decisions made by local self-governing authorities need control, including the control of the presence of corruptogenic factors. Anti-corruption examination allows to identify corruptive components of a legislative instrument and prevent its adoption. Despite its name, the anti-corruptive expertise is performed not by experts but by officers of the prosecutor's office, the Ministry of Justice of the Russian Federation and other officers.

Keywords: local self-governing authorities, corruption, anti-corruption examination, forensic examination, expert.

Органы местного самоуправления формируются для осуществления управленческих функций на конкретной территории, определяемой ее границами.

Главная задача органов местного самоуправления заключается в разработке и принятии, а также последующей реализации принятых решений, направленных на развитие территории, улучшение уровня жизни граждан, ее населяющих, создание безопасной среды обитания. С этой целью органы местного самоуправления самостоятельно управляют муниципальной собственностью, формируют, утверждают и исполняют местный бюджет, устанавливают местные налоги и сборы, осуществляют охрану общественного порядка, а также решают иные вопросы местного значения. Посредством участия в работе органов местного самоуправления граждане реализуют конституционное право на участие в управлении государством.

В то же время, как справедливо было отмечено О.Г. Селиховой, трудно назвать законные пределы, средства и способы выражения народных инициатив, самостоятельность которых может порой выливаться в общественное самоуправство; еще сложнее сказать, что понимается под словосочетанием «под свою ответственность»¹.

Нормативные акты, принимаемые на местном уровне, без всякого сомнения, требуют оценки как на предмет юри-

дической грамотности, так и на предмет наличия коррупционных составляющих.

В первую очередь этот контроль необходим для нормативных актов, принимаемых на уровне органов местного самоуправления. Известно, что именно представители органов местного самоуправления в определенной мере представляют собой наименее подготовленное звено органов власти в плане принятия проработанных и сбалансированных нормативных актов, поскольку его представители зачастую не имеют высшего юридического образования либо имеют недостаточно качественное высшее образование.

Однако в числе задач, стоящих перед различными субъектами, согласно Федеральному закону от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ (ред. от 21.10.2013) «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (далее — Закон об антикоррупционной экспертизе), отсутствует задача проверки правовых актов, принимаемых органами местного самоуправления.

Проверка нормативных актов, принимаемых органами местного самоуправления в Российской Федерации, возложена на органы прокуратуры. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 9.1 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1

* Anti-Corruption Expert Examination of Legal Acts of Local Self-Governing Authorities: Disputable Issues

Konin Vladimir V., Assistant Professor of the Department of Criminal Procedure Law of the North-Western branch of the Russian State University of Justice, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Esmantovich Evgeny I., Senior Lecturer of the Department of Theory and History of State and Law of the Law Faculty of Educational Establishment Gomel State University named after Francisk Skorina

«О прокуратуре Российской Федерации» (ред. от 29.07.2017, с изм. и доп., вступ. в силу с 10.08.2017) прокурор в ходе осуществления своих полномочий в установленном Генеральной прокуратурой РФ порядке, согласно методике, определенной Правительством РФ, проводит антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов и организаций, органов местного самоуправления, их должностных лиц.

По мнению В.Л. Толстых, изучение муниципальных нормативных правовых актов заключается в их тщательном, качественном анализе на предмет соответствия федеральному и региональному законодательству, наличия коррупциогенных факторов и нарушений правил юридической техники. Это позволяет предотвратить принятие незаконных муниципальных нормативных правовых актов либо предпринять действия по их оспариванию².

Порядок оспаривания нормативных правовых актов, принятых органом местного самоуправления, установлен разделом IV Кодекса административного судопроизводства РФ, где предусмотрено право прокурора на обращение в суд с административным иском о признании нормативного акта недействующим, в том числе в связи с возможным наличием коррупциогенных факторов.

Задачи антикоррупционной экспертизы, указанные в Законе об антикоррупционной экспертизе, разнятся в зависимости от субъекта ее проведения.

Так, прокуроры проводят антикоррупционную экспертизу по вопросам:

1) прав, свобод и обязанностей человека и гражданина; 2) государственной и муниципальной собственности, государственной и муниципальной службы, бюджетного, налогового, таможенного, лесного, водного, земельного, градостроительного, природоохранного законодательства, законодательства о лицензировании, а также законодательства, регулирующего деятельность государственных корпораций, фондов и иных организаций, создаваемых Российской Федерацией на основании федерального закона;

3) социальных гарантий лицам, замещающим (замещавшим) государственные или муниципальные должности, должности государственной или муниципальной службы.

Федеральный орган исполнительной власти в области юстиции проводит антикоррупционную экспертизу:

1) проектов федеральных законов, проектов указов Президента РФ и проектов постановлений Правительства РФ, разрабатываемых федеральными органами исполнительной власти, иными государственными органами и организациями (при проведении их правовой экспертизы);

2) проектов поправок Правительства РФ к проектам федеральных законов, подготовленным федеральными органами исполнительной власти, иными государственными органами и организациями (при проведении их правовой экспертизы);

3) нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, иных государственных органов и организаций, затрагивающих права, свободы и обязанности человека и гражданина, устанавливающих правовой статус организаций или имеющих межведомственный характер, а также уставов муниципальных образований и муниципальных правовых актов о внесении изменений в уставы муниципальных образований (при их государственной регистрации);

4) нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации (при мониторинге их применения и при внесении сведений в федеральный регистр нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации).

Анализируя положения Закона об антикоррупционной экспертизе, можно сделать вывод о том, что ее нельзя от-

нести к какому-либо классу судебных экспертиз. Соответственно, проводимое должностными лицами исследование проектов нормативных актов, а также принятых нормативных актов не является экспертным исследованием в том смысле, в каком оно имеет место быть при производстве судебных экспертиз.

Согласно положениям ст. 9 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (ред. от 08.03.2015) судебная экспертиза — процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла и которые поставлены перед экспертом судом, судьей, органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем, в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу.

Судебная экспертиза не может базироваться на общедоступных знаниях, к которым относятся в том числе и юридические знания³.

Суть экспертизы состоит в том, чтобы, используя специальные знания, в процессе исследования выявить новое знание, получение которого, несмотря на фактор неопределенности, предполагалось (например, отпечатки пальцев рук, оставленные конкретным лицом) либо было изначально неизвестным (например, подпись на документах выполнена неустановленным лицом).

Кроме того, как было справедливо отмечено Я.В. Комиссаровой, судебно-экспертная деятельность не является правоприменительной⁴, которой по своей природе является антикоррупционная экспертиза.

Рассматривая эксперта в качестве субъекта экспертной деятельности, Е.Р. Россинская и другие ученые отмечают, что государственным судебным экспертом, производящим судебную экспертизу в порядке исполнения своих должностных обязанностей, может быть только аттестованный сотрудник государственного судебно-экспертного учреждения, тогда как негосударственными судебными экспертами являются:

— сотрудники негосударственных судебно-экспертных учреждений;

— частные эксперты-профессионалы, у которых эта деятельность является основной, в том числе пенсионеры, в прошлом — сотрудники государственных экспертных учреждений;

— сотрудники неэкспертных организаций, являющиеся специалистами в необходимой области знания⁵.

В качестве экспертов, в соответствии с Законом об антикоррупционной экспертизе, выступают лица, не обладающие специальными знаниями в области науки, техники, искусства или ремесла, а сотрудники прокуратуры Российской Федерации, должностные лица федеральных органов исполнительной власти в области юстиции, а также должностные лица органов исполнительной власти, иных государственных органов и организаций, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, владеющие общедоступными, в том числе юридическими, знаниями⁶.

В соответствии со ст. 2 указанного выше Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», задачей данного вида деятельности является оказание содействия судам, судьям, органам дознания, лицам, производящим дознание, следователям в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла.

Производство судебной экспертизы предполагает следующий алгоритм действий: ознакомление эксперта

с постановлением о назначении экспертизы, предупреждение об ответственности за дачу заведомо ложного заключения, изучение экспертом предоставленных материалов, производство исследования с использованием специальных знаний, дачу заключения по результатам проведенного исследования. При этом эксперт руководствуется определенными методиками, предназначенными для решения типовых задач данного рода (вида) судебной экспертизы.

Производство антикоррупционной экспертизы осуществляется иначе.

Должностное лицо, изучив нормативный акт, приходит к выводу о том, что в нем содержатся коррупциогенные факторы, к которым относят «положения нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов), устанавливающие для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил, а также положения, содержащие неопределенные, трудно-выполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям и тем самым создающие условия для проявления коррупции»⁷. При этом лицо, проводящее антикоррупционную экспертизу, не предупреждается об ответственности за дачу заведомо ложного заключения.

Таким образом, можно сделать вывод, что законодатель при разработке Закона об антикоррупционной экспертизе не совсем правильно определился с дефинициями. В данном случае необходимо говорить не об экспертизе, а о проверке подготавливаемых к принятию проектов нормативных актов либо уже принятых нормативных актов должностными лицами прокуратуры, органов юстиции и другими должностными лицами, перечисленными в Законе об антикоррупционной экспертизе.

Литература

1. Комиссарова Я.В. О понятии экспертной деятельности / Я.В. Комиссарова // Эксперт-криминалист. 2008. № 2. С. 26–29.
2. Конин В.В. Заключение эксперта в уголовном судопроизводстве: нужна ли эксперту помощь юриста? / В.В. Конин // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях : материалы 2-й Международной научно-практической кон-

ференции (г. Москва, 24–25 июня 2009 г.). М. : Проспект, 2009. С. 206–208.

3. Кудрявцев В.Л. Некоторые проблемы совершенствования методики производства антикоррупционной экспертизы в Российской Федерации / В.Л. Кудрявцев // Эксперт-криминалист. 2010. № 2. С. 19–21.
4. Россинская Е.Р. Судебные экспертизы в гражданском и арбитражном процессе в контексте проблем унификации законодательства о судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации / Е.Р. Россинская // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 10. С. 9–16.
5. Селихова О.Г. Особенности правового статуса органов местного самоуправления / О.Г. Селихова // Российский юридический журнал. 2016. № 5. С. 123–134.
6. Толстых В.Л. Участие прокурора в правотворческой деятельности органов местного самоуправления / В.Л. Толстых // Законность. 2017. № 3. С. 13–16.

¹ Селихова О.Г. Особенности правового статуса органов местного самоуправления // Российский юридический журнал. 2016. № 5. С. 123–134.

² Толстых В.Л. Участие прокурора в правотворческой деятельности органов местного самоуправления // Законность. 2017. № 3. С. 13–16.

³ Конин В.В. Заключение эксперта в уголовном судопроизводстве: нужна ли эксперту помощь юриста? // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях : материалы 2-й Международной научно-практической конференции (г. Москва, 24–25 июня 2009 г.). М. : Проспект, 2009. С. 206–208.

⁴ Комиссарова Я.В. О понятии экспертной деятельности // Эксперт-криминалист. 2008. № 2. С. 26–29.

⁵ Россинская Е.Р. Судебные экспертизы в гражданском и арбитражном процессе в контексте проблем унификации законодательства о судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 10. С. 9–16.

⁶ Кудрявцев В.Л. Некоторые проблемы совершенствования методики производства антикоррупционной экспертизы в Российской Федерации // Эксперт-криминалист. 2010. № 2. С. 19–21.

⁷ См. часть 2 ст. 1 Закона об антикоррупционной экспертизе.

Способы конструирования росчерков в современных подписях российских граждан*

Кошманов Пётр Михайлович,

начальник учебно-научного комплекса
экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии
Министерства внутренних дел Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент
koshm77@mail.ru

Кошманов Михаил Петрович,

кандидат юридических наук, доцент
koshmanov-mikhail@mail.ru

Комнатин Владимир Геннадьевич,

судебный эксперт ООО «Центр правовых решений «Советник»
komnatin.vladimir@yandex.ru

Объектом авторского исследования стали способы конструирования росчерков в современных подписях российских граждан на основе обширной эмпирической базы (5000 подписей). Это позволило авторам выявить, проиллюстрировать и описать практически полный перечень способов, используемых российскими гражданами при конструировании росчерков в своих подписях.

Ключевые слова: подпись, росчерк, экспериментальное исследование, конструктивное строение подписи, признаки подписного почерка.

The authors' study is dedicated to the ways of structuring flourishes of modern signatures of the Russian citizens based on a wide empirical base (5,000 signatures). This has allowed the authors to identify, illustrate and describe an almost complete list of ways used by Russian citizens for structuring flourishes of their signatures.

Keywords: signature, flourish, experimental study, signature structure, attributes of signature handwriting.

В процессе многолетней подписной практики в России сформировалась «правильная» конструкция подписи, которая стала восприниматься лицами, ее выполняющими или только приступающими к формированию ее графического образа, как графическое «начертание» (построение), состоящее из трех основных частей: начальной, средней и заключительной. Такое деление подписи на основные ее составляющие нашло свое практически однозначное признание в криминалистической литературе [6, с. 306–310; 8, с. 218–220; 5, с. 289–390; 7, с. 16–17].

Конструктивное строение современных подписей уже было объектом нашего авторского внимания в процессе изучения экспериментального материала объемом в 4000 подписей. В большей степени детальному анализу подвергалась начальная часть подписи, в частности, такое ее графическое образование, как монограмма, которая присутствует в каждой четвертой подписи, выполняемой российскими гражданами [2, с. 65–72; 3, с. 14–19].

Средняя и заключительная часть (росчерк) изучались на экспериментальном материале меньшего объема — 1000 подписей, представленных в равных соотношениях лицами мужского и женского пола, причем в подписях обязательно присутствовали в средней их части наряду с буквами и безбуквенные штрихи [4, с. 77–87].

Однако дальнейшее расширение массива исследуемых нами экспериментальных подписей до 5000 с последующим детальным их изучением позволило авторам не только уточнить ранее опубликованные некоторые данные по основным частям подписи, но и по-иному «взглянуть» на те части подписи, которые ранее не нашли глубокой проработки в работах других авторов. Речь идет о заключительной части подписи, которая традиционно отождествляется с росчерком.

В криминалистической литературе предпринимались попытки рассмотреть элементный состав росчерка и способы его образования. По мнению В.Ф. Орловой, элементный состав росчерка состоит из прямых и кривых линий разной направленности и конфигурации: углов, треугольников, петель, овалов и иных замкнутых, полужамкнутых фигур [6, с. 326].

В.В. Липовским названы два способа образования росчерка в период формирования личной подписи на стадии обучения в школе. Первый способ в его представлении это продолжение движения пишущего прибора по окончании выполнения последней буквы подписи. Его графическое проявление зависит от формы движения при окончании последней буквы подписи. Второй способ — соединение последней буквы подписи с ее надстрочным штрихом (в буквах «й» и «т») [5, с. 270–271].

* Ways of Structuring Flourishes in Modern Signatures of Russian Citizens

Koshmanov Petr M., Head of the Academic and Research Complex of Expert and Criminalistic Activities of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Koshmanov Mikhail P., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Komnatin Vladimir G., Forensic Expert of Adviser Centre of Legal Solutions, LLC

Целью нашего экспериментального исследования стало выявление и систематизация более полного перечня способов образования росчерков в современных подписях российских граждан, а также описание специфических особенностей каждого из них. Исходя из результатов проведенного авторами эксперимента, можно констатировать, что лишь у 93% испытуемых в их подписях присутствовал росчерк. Причем он наблюдался в подписях мужчин чаще (56%), нежели в подписях женщин (44%).

Наиболее распространенным способом конструирования росчерка в подписи является **использование петлевой формы движений при выполнении основных его частей**.

Разновидностями данного способа конструирования росчерка в подписях являются:

1. *Выполнение петлевыми по форме движениями одновременно верхней и нижней частей росчерка.*

Размеры петлевых по форме частей росчерка, как по вертикали, так и по горизонтали, могут быть самыми различными. По форме чаще всего обе части росчерка выполняются в виде четко выраженной петли. Иногда петлевая форма, особенно в нижней части росчерка, может приближаться к овальной либо угловатой. Заключительный штрих в подстрочной части росчерка нередко заканчивается дополнительными графическими образованиями, по конструкции напоминающими строчную букву «р» или прописную букву «В». В отдельных случаях он продолжается в виде одной или нескольких прямых линий либо имеет криволинейную форму (дуговую или овальную), выполненную либо правоокружными, либо левоокружными движениями. В единичных случаях конструкция росчерка представляет собой единое графическое образование, состоящее из двух и более наложенных друг на друга либо соприкасающихся друг с другом элементов, выполненных циклически повторяющимися движениями, имеющими петлевую форму. Направление движений при выполнении петлевых частей росчерка доминирует левоокружное. Очень редко в таких росчерках нарушается последовательность выполнения его основных частей, то есть нижняя петля выполняется первой.

В массиве экспериментального материала подписи, имеющие росчерки, в которых верхняя и нижняя части выполнены петлевыми по форме движениями, составили 19% (рис. 1).

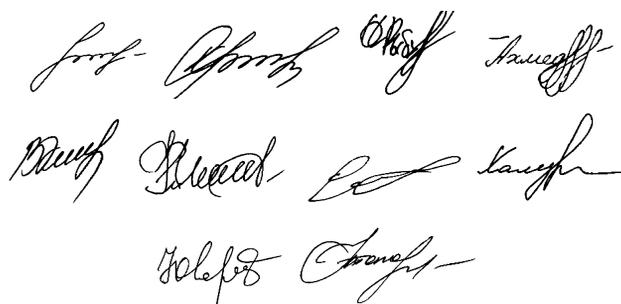

Рис. 1. **Различные варианты выполнения нижней и верхней частей росчерка петлевыми по форме движениями**

2. *Выполнение петлевыми по форме движениями только верхней части росчерка.*

Верхняя часть росчерка в виде петлевого элемента может выполняться с различными его размерами как по вертикали, так и по горизонтали. Нижняя часть росчерка зачастую имеет прямолинейную форму разной длины по вертикали, и направление движения при ее выполнении сверху вниз, обычно с отклонениями чаще влево и реже вправо. Следует отметить тот факт, что в отдельных под-

писях нижняя часть росчерка вообще может отсутствовать либо лишь символично «обозначаться» штрихом малой протяженности по вертикали. Прямолинейная форма выполнения нижней части росчерка в некоторых подписях заканчивается изменениями направления движения на возвратно-прямолинейное или на иное, вследствие чего «концовка» подписи имеет дополнительное графическое образование различной формы (прямолинейной, дуговой, извилистой или овальной). Количество и размеры этих заключительных графических «образований» в нижней части росчерка могут быть самыми различными. В отдельных случаях их размеры настолько увеличены, что могут «охватывать» практически всю подпись.

В экспериментальном массиве подписи, в которых верхняя часть росчерков выполнена в форме петли, были самыми распространенными, и поэтому процент их встречаемости самый высокий 32% (рис. 2).

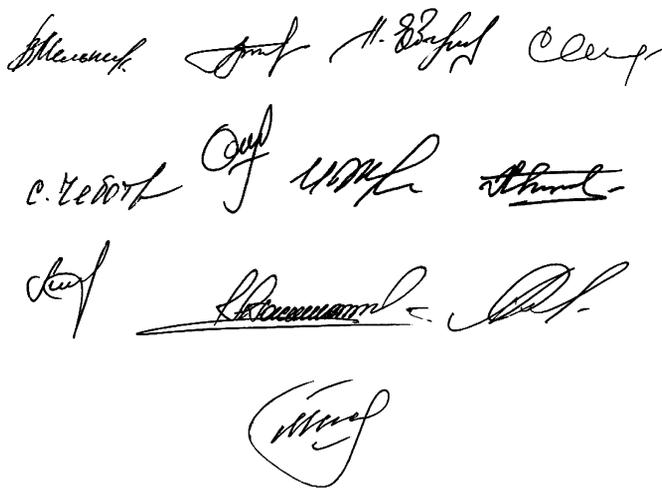

Рис. 2. **Варианты конструирования росчерков, в которых только верхняя их часть выполнена петлевыми по форме движениями**

3. *Выполнение петлевыми по форме движениями только нижней части росчерка.*

Как свидетельствуют результаты нашего исследования, такой способ конструирования росчерков, в которых присутствует петлевая форма, является наименее распространенным по сравнению с двумя описанными выше. Верхняя часть, как правило, имеет прямолинейную форму и может выполняться с различной протяженностью по вертикали. Соединение со средней частью подписи осуществляется либо угловатыми, либо дуговыми, а зачастую и возвратно-прямолинейными движениями. Подстрочная часть росчерка может иметь как «правильную» петлевую форму, так и деформированную петлю, порой приближающуюся в отдельных ее частях к угловатой. Заключительный штрих в таких росчерках также может иметь различные форму и направление, протяженность движений. В отдельных случаях его графическое строение может быть петлевым либо овальным по форме.

В экспериментальной выборке подписи, в которых только подстрочная часть росчерков выполнялась петлевыми по форме движениями, составили 17% (рис. 3).

Изучение экспериментального материала показало, что конструирование росчерков с наличием в их составе частей, выполненных петлевыми по форме движениями, как правило, происходит в двух случаях: когда в подписях любой транскрипции (буквенной, безбуквенной, смешанной) преобладает петлевая форма движений; если средняя часть подписи представлена безбуквенными штрихами, которые выполняются циклически повторяющимися

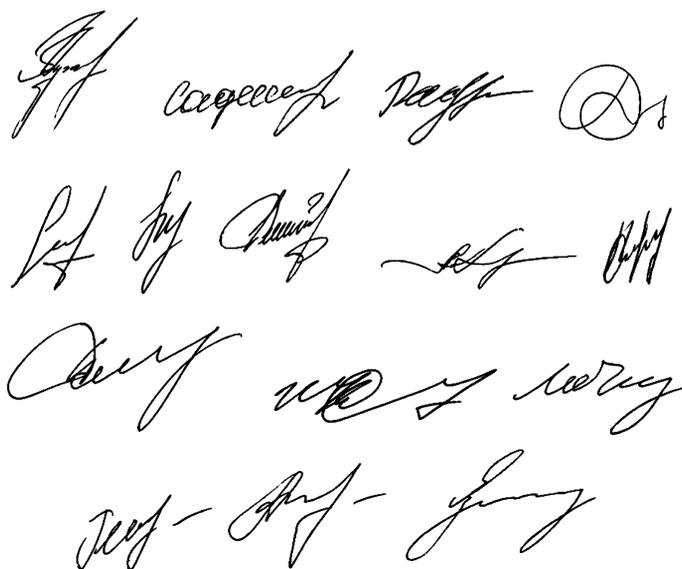

Рис. 3. Варианты конструирования росчерков, в которых только нижняя их часть выполнена петлевыми по форме движениями

петлевыми по форме движениями (независимо от их направления).

В обоих случаях у исполнителя подписи имеется возможность, не сбавляя темпа письма, а только его убыстряя, перейти на конструирование росчерка. По этой причине в нашей экспериментальной выборке подписи, в конструкции росчерка которых присутствовали части, выполненные петлевыми по форме движениями, составили 68%.

Следующим способом конструирования росчерка является **выполнение его в целом или большей его части движениями:**

1. **Направленными сверху вниз.**

Чаще всего такие росчерки представляют собой прямую линию, которая выполняется в нижней части подписи с отклонениями влево от вертикальной оси. Реже линия располагается строго вертикально и только иногда с отклонением вправо. Размер данных линий по вертикали может быть в диапазоне от малого до большого. Начало росчерка зачастую формируется как продолжение последнего безбуквенного штриха подписи, так и с продолжением верхних частей ее отдельных букв, например, надстрочного вертикального элемента строчной буквы «б». Заключительная часть росчерка нередко заканчивается небольшими по размеру штрихами (иногда рефлекторными) прямоугольной формы, которые расположены либо справа, либо слева от основной его части и выполнены с отклонениями от преобладающего («главного») направления движения, выбранного для выполнения росчерка.

В редких случаях заключительная часть росчерка может выполняться движениями иной формы: дуговой либо овальной. При этом протяженность ее по вертикали может значительно превышать основную часть росчерка. В таких случаях направление движения при выполнении заключительной части росчерка меняется на противоположное (снизу вверх), а порой и сама подпись или значительная ее часть «охватывается» росчерком.

Такой способ конструирования росчерков имели 12% подписей, попавших в экспериментальную выборку (рис. 4а).

2. **Направленными снизу вверх.**

Такие росчерки чаще всего выполняются комбинированием разнообразных форм движений. Начальная их

часть обычно имеет прямолинейную форму, а средняя и заключительная части выполняются криволинейными по форме движениями: дугowymi, овальными или полуовальными. Направление движений при выполнении криволинейных по форме элементов росчерка может быть либо левоокружным, либо правоокружным, а иногда одно из них переходит в другое. В отдельных подписях направление движений при выполнении начальной части росчерка может быть сверху вниз, а затем вся его основная и заключительная части исполняются движениями, направленными снизу вверх с переходом на иные направления движений, характерные для выполнения криволинейных по форме штрихов. Размерные характеристики росчерков, при таком способе их конструирования, самые различные.

Этот способ образования росчерков в подписях, участвующих в экспериментальном исследовании лиц, оказался самым редко встречаемым и составил всего 3% (рис. 4б).

Еще одним способом конструирования росчерка, выявленным в ходе эксперимента, является **выполнение его в горизонтальной плоскости**, чаще всего движениями, имеющими прямолинейную форму и направление слева направо.

Такие росчерки формируются как продолжение заключительного элемента в последней букве подписи или же последнего безбуквенного штриха. Они всегда расположены справа от основной части подписи и выполняются различными по протяженности движениями. Иногда длина росчерка в подписи может превысить протяженность по горизонтали и начальной, и средней ее частей вместе взятых. Расположение их по горизонтали варьирует от параллельного линии основания подписи до поднимающегося либо опускающегося к концу росчерка. В отдельных случаях форма выполнения росчерка, наряду с прямолинейной,

Рис. 4. Варианты конструирования росчерка движениями, направленными: а) сверху вниз; б) снизу вверх

может иметь и небольшую извилистость. Лишь в отдельных подписях росчерк может заканчиваться небольшим по протяженности штрихом (рефлекторным), направленным чаще всего вниз-влево.

В экспериментальном массиве подписей такой способ образования росчерка наблюдался у 7% испытуемых (рис. 5).

Рис. 5. Варианты росчерков, выполненных в горизонтальной плоскости движениями, направленными слева направо

Близким к вышеописанному является способ конструирования росчерка, когда **начальная и основная его части выполняются движениями, направленными справа налево**, то есть в сторону расположения начальной и средней основных частей составляющих конструкцию подписи. При этом местонахождение росчерка может быть как под подписью, так и над ней. Чаще всего он охватывает (опоясывает) всю подпись или же большую ее часть. Для

таких росчерков характерна увеличенная протяженность либо по горизонтали, либо по вертикали, иногда в обеих плоскостях одновременно. Форма росчерков может варьироваться от прямой до криволинейной (овальной, петлевой). В некоторых подписях росчерки, выполненные таким способом, в заключительной их части могут исполняться с изменением как формы, так и направления движений.

Такой способ образования росчерков в подписях, попавших в экспериментальную выборку, присутствовал в 4% из них (рис. 6).

Последний способ конструирования росчерка в подписи, по мнению авторов, можно назвать **комбинированным**. Такое наименование обусловлено тем, что в нем нашли своеобразное отражение большинство из выше описанных способов, используемых исполнителями подписей во множестве комбинаций. При этом конструкция росчерка всегда приобретает усложненное строение вследствие того, что в ней обычно присутствует большое число разнообразных форм движений, в сочетаниях которых выполняются все его составляющие элементы: прямолинейные, угловатые, дуговые, петлевые, овальные. Как установлено авторами в процессе анализа экспериментального материала, наличие при выполнении росчерка трех и более видов форм движения является тем критерием, который и позволяет считать, что для его конструирования исполнитель подписи использовал комбинированный способ.

Комбинированный способ построения графического рисунка росчерка не редкое явление в подписях российских граждан. Достаточно заметить, что в экспериментальных подписях росчерки, образованные таким способом, составили около 6% (рис. 7).

Рис. 6. Разновидности росчерков, в которых начальная и средняя его части выполняются движениями, направленными справа налево

Рис. 7. Разновидности комбинированного способа конструирования росчерков в подписях разных лиц

Приведенный выше перечень способов, применяемых исполнителями подписей при конструировании росчерков, можно считать исчерпывающим. В основу его систематизации положены два показателя: форма и направление движений, используемые при построении росчерка. Именно это обстоятельство делает всю приведенную структуру «стройной», последовательной и логически обоснованной. Однако следует иметь в виду, что описанные и проиллюстрированные способы конструирования росчерка в подписи не всегда в полном объеме их графического рисунка будут стереотипно повторяться в подписях, выполняемых разными лицами. Тем не менее сущность этих способов, их схематичное графическое представление, несмотря на определенную его вариативность у разных исполнителей, будет проявляться постоянно [1, с. 141].

Позитивными результатами проведенного экспериментального исследования, на наш взгляд, являются следующие:

— во-первых, впервые в криминалистической литературе выявлен и описан полный перечень способов, используемых при конструировании росчерков в подписях российскими гражданами;

— во-вторых, приведенная классификация способов образования росчерков, основанная на двух признаках подписного почерка (форма и направление движений), делает ее логически обоснованной и завершенной;

— в-третьих, подробное изложение каждого способа образования росчерков в подписях позволит экспертам-почерковедам, с одной стороны, более полно и точно осуществлять описание транскрипции подписи в своих заключениях, а с другой стороны, дает возможность в значительной степени облегчить имеющие место в экспертной практике трудности, возникающие у экспертов-почерковедов в определении конкретного места нахождения частных признаков, выявляемых ими в росчерках исследуемых подписей.

Литература

1. Жигалов Н.Ю. Способы формирования подписи оригинальной конструкции российскими гражданами / Н.Ю. Жигалов, П.М. Кошманов, М.П. Кошманов, Н.А. Вилкова // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2016. № 1. С. 133–142.
2. Кошманов П.М. Монограмма подписи и способы ее образования / П.М. Кошманов, М.П. Кошманов // Судебная экспертиза. 2008. № 2. С. 65–72.
3. Кошманов П.М. Монограмма подписи: понятие, способы образования и факторы, оказывающие влияние на процесс ее формирования / П.М. Кошманов, М.П. Кошманов // Эксперт-криминалист. 2010. № 2. С. 14–19.
4. Кошманов П.М. Конструктивное строение современных подписей: своеобразие выполнения, идентификационная информативность основных частей и составных элементов / П.М. Кошманов, М.П. Кошманов, Н.А. Вилкова // Судебная экспертиза. 2012. № 2. С. 77–87.
5. Липовский В.В. Судебно-почерковедческая экспертиза / отв. ред. А.И. Манцетова [и др.]. М. : ВНИИСЭ, 1971. Ч. 2. С. 269–331.
6. Орлова В.Ф. Методика исследования подписей / В.Ф. Орлова // Теория и практика криминалистической экспертизы : Экспертиза почерка. М. : Госюриздат, 1961. Сб. 6–7. С. 303–357.
7. Судебно-почерковедческая экспертиза малообъемных почерковых объектов. М., 1966. Вып. 1. С. 48–66.
8. Техника экспертизы документов // Графическая экспертиза документов. 2-е изд. М., 1965. Вып. 1. С. 218–238.

Особенности оценки присяжными заседателями заключения судебно-медицинского эксперта по делу об убийстве при наличии гнилостно измененного или сожженного трупа*

Хорошева Анна Евгеньевна,

доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Алтайского государственного университета,
кандидат юридических наук
khorosheva.defence@gmail.com

В статье рассматриваются вопросы, связанные с особенностями исследования и оценки в суде присяжных судебно-медицинских экспертиз гнилостно измененных и сожженных трупов. Отдельного внимания заслуживают тактические аспекты доказывания факта идентификации личности погибшего, а также причин смерти при сожжении тела.

Ключевые слова: убийство, судебно-медицинская экспертиза, доказательство, присяжные заседатели.

The article examines the issues related to peculiarities of research and court assessment of forensic examinations of putrefactively changed or burned cadavers by jury members. Special attention shall be paid to tactical aspects of evidence of the dead person identification as well as of the causes of death in case of the body burning.

Keywords: murder, forensic medical examination, evidence, jury members.

Еще в 60-е годы XX века Л.Е. Ароцкер отмечал: «В литературе, посвященной оценке заключений экспертов, главным образом, обращается внимание на методы анализа процессуальной, фактической, логической и научно-методической сторон заключений и определения их научной достоверности. Значительно меньше уделено внимания освещению доказательственного значения заключений экспертов, процессуальному и тактическому использованию их для доказывания обстоятельств дела, обоснования выводов органов следствия и приговора суда»¹.

С тех пор мало что изменилось. Исследований, позволяющих проследить взаимосвязь тактической активности сторон и итогового процессуального решения, в настоящее время тоже не много.

Форма судопроизводства, без сомнения, оказывает значимое влияние на процесс, связанный с оценкой экспертного заключения. Однако не согласимся с позицией отдельных авторов, утверждающих, что, «исходя из положений современного уголовно-процессуального законодательства России, достижение истины по уголовному делу в суде присяжных заседателей по существу презюмируется соблюдением установленной законом уголовно-процессуальной формы»². Как точно отметил Ю.К. Орлов, «если бы для достижения истины было бы достаточно процессуальной формы, то зачем тогда создавать и совершенствовать криминалистическую тактику и методику, методики экспертного исследования и прочее»³.

Так, при рассмотрении дел в общем порядке стороны обвинения и защиты направляют свои усилия на убеждение суда в необходимости принятия или непринятия конкретного заключения. Именно данная деятельность является для них самоцелью, так как профессиональный

судья правомочен осуществлять и промежуточные процедурные (например, выносить постановление о назначении повторной экспертизы), и принимать итоговые решения по уголовному делу. В суде с участием присяжных заседателей данная функция поделена между коллегией и председательствующим. При этом изучение экспертного заключения председательствующим судьей может происходить задолго до того, как оно будет представлено присяжным заседателям.

Проблемы доказывания характерны для каждого судебного разбирательства по делам об убийствах при наличии «сложных» трупов — гнилостно измененных или скелетированных.

Традиционно в криминалистике неопознанным считается труп человека, личность которого не была установлена в силу разного рода причин при первоначальных следственных действиях и нуждается в установлении в предусмотренном законом порядке. В настоящее время можно с уверенностью констатировать: несмотря на имеющиеся крупные теоретические и практические наработки в области идентификации личности, в том числе и трупа, подвергнутого гнилостным и иным изменениям, не удастся избежать ошибок, сопровождавших установление подобного рода обстоятельств на всех этапах уголовного судопроизводства.

До сих пор в следственной практике распространен подход, в соответствии с которым имеет место назначение так называемой «узкой» экспертизы, «что приводит к назначению экспертизы одного вида, характерной для исследования одной группы биообъектов (для крови — установление групповой принадлежности, для потожировых следов, имеющих четкую форму и морфологию, — дактилоскопи-

* Peculiarities of Assessment of a Forensic Expert Opinion on a Murder Case by Jury Members in case the Cadaver is Putrefactively Changed or Burned

Khorosheva Anna E., Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Altai State University, Candidate of Legal Sciences

ческое исследование и т.п.)»⁴. Проблема заключается в том, что нередко следствие с самого начала не использует весь спектр криминалистических возможностей для того, чтобы исключить любые сомнения в идентификации личности погибшего. В суде присяжных необходимость доказывания именно данного обстоятельства выходит на первый план, если дело касается уголовных дел об убийствах при наличии трупа, подвергнутого серьезным гнилостным изменениям, скелетированного трупа или обнаруженного в очаге пожара.

Информационная модель судебного разбирательства, построенная на основе обобщения практики по таким уголовным делам, характеризуется рядом признаков:

1. Отрицание факта идентификации погибшего, когда проблема идентификации личности может определять общую стратегию либо тактику стороны защиты.

Стратегия защитника по данной группе дел формируется в период предварительного следствия и получает продолжение в ходе предварительного слушания, реализуясь в заявленных стороной защиты ходатайствах о признании недопустимыми экспертных заключений, в которых вопрос об идентификации жертвы решен положительно. Стратегия защиты, как генеральная линия, проходит через все судебное разбирательство и состоит в отрицании представленных обвинением заключений, содержащих сведения о причинах и давности наступления смерти. Главным доводом, приводимым для опровержения фактов обвинения, является невозможность нахождения подсудимого и жертвы одновременно в месте убийства. Тактика, реализуемая защитником, в отличие от стратегии, лишь факультативно допускает вероятность того, что обнаружено тело не того лица, убийство которого вменяется подсудимому.

2. В ситуации, когда подсудимый и погибший ранее являлись родственниками (или супругами), значимая роль в доказывании отводится показаниям самого подсудимого и их проверке на предмет противоречия экспертным заключениям.

3. Доказывание факта идентификации личности погибшего нередко сопряжено с необходимостью установления подлинности объектов, направленных на исследование эксперту, и решения вопроса о возможности проведения идентификации. К сожалению, нередко ситуации, когда к началу судебного разбирательства отдельные объекты утрачиваются либо вследствие неправильного их хранения теряют свои свойства, либо имеются сомнения в их происхождении.

Для выхода из сложившейся ситуации участники судебного разбирательства проводят судебный осмотр объектов или же допрашивают лиц, так или иначе причастных к их сборанию. К указанным объектам может быть отнесен любой биологический материал погибшего, но чаще всего речь идет о костных останках. Осмотру предшествует заявленное одной из сторон ходатайство о назначении судебно-медицинской экспертизы (чаще молекулярно-генетической). Назначение и производство такой экспертизы представляет интерес для обеих сторон, поэтому процессуальный конфликт в данном случае сведен к минимуму. Однако в будущем возникновение конфликтной ситуации не исключается и может быть обусловлено проблемами, возникающими в ходе исследования и оценки заключения молекулярно-генетической экспертизы, так как «метод ДНК-анализа порождает не меньше вопросов, чем все остальные экспертные исследования»⁵.

Нередко председательствующие ставят на обсуждение вопрос о необходимости вскрытия пакетов с упакованным биологическим материалом и осмотра его содержимого. Таким образом, сторонам предоставляется возможность зафиксировать тот факт, что объекты получены из достоверного источника. Такие действия председательствующе-

го зачастую представляют собой один из этапов опровержения презумпции об уязвимости объекта.

4. В случае, когда стратегия защитника формируется в связи с отрицанием факта идентификации жертвы, тактические действия стороны защиты нередко бывают направлены на опровержение достоверности доказательств или источников их получения, на основе которых эксперты делают вывод о наличии тождества. В силу того, что присяжные все доказательства воспринимают на слух и не могут проследить цепочку формирования вывода об установлении тождества, адвокаты избирают хронологический порядок представления промежуточных фактов с акцентированием внимания на одном или нескольких доказательствах, которые, по их мнению, носят «порочный» характер.

Еще к одной разновидности «сложных» трупов можно отнести тела потерпевших с признаками сожжения, найденные в очаге пожара. Главная проблема по таким уголовным делам состоит не только в доказывании общих фактических обстоятельств (преступность деяния, причастность конкретного лица к его совершению), но и частных фактических данных, имеющих судебно-медицинскую природу — идентификация личности, установление причин и давности наступления смерти, а также механизма причинения повреждений. Большинство этих вопросов изучались и изучаются в рамках судебной медицины, достижения которой органически включаются в криминалистику, особенно по делам об убийствах⁶.

Механизм образования термических повреждений трупа — обстоятельство, подлежащее доказыванию по делам об убийствах, сопряженных с поджогами, а также последующим сожжением тела жертвы. Его изучение помогает уяснить факты, позволяющие присяжным ответить на следующие вопросы:

— действительно ли подсудимый причинил погибшему смерть и пытался скрыть следы преступления, совершив поджог или осуществив сожжение тела;

— в случае если вина подсудимого в причинении смерти доказана, были ли его действия направлены на причинение жертве особых мучений и страданий;

— если доказано, что подсудимый виновен в причинении смерти, заслуживает ли он снисхождения.

Проблема интерпретации фактов, имеющих значение для уголовного дела, устанавливаемых для подтверждения иных фактов, — общая для всего доказывания. Подобная проблемность предопределена наличием большого количества негативных явлений, нежели может показаться изначально. Подобные наблюдаемые в судебном доказывании явления составляли предмет пристального внимания еще дореволюционных юристов. В этом смысле суд присяжных сегодня, как и сто лет назад, является идеальной площадкой для борьбы за интерпретацию и толкование криминалистически значимой информации.

Обратимся к практике и попытаемся каждый частный случай представить в виде кейса. Это позволит сформировать ситуационную тактико-поведенческую модель доказывания с участием профессиональных участников судебного процесса.

Кейс первый. *Требование проинформировать присяжных заседателей относительно наличия в материалах уголовного дела негативных обстоятельств является обязательным. Это не распространяется на ряд процедурных аспектов, но при выяснении обстоятельств, имеющих значение для дела, чрезвычайно важно. В своем заключении, а также при последующем допросе в суде эксперт должен дать квалифицированную оценку негативным обстоятельствам, наличие которых получило отражение в протоколе осмотра трупа и было выявлено в ходе производства экспертизы.*

Условия кейса. Осуществляя защиту по уголовному делу об убийстве и последующем сожжении тела, защитники обратили внимание, что в протоколе осмотра места происшествия при описании трупа указаны негативные обстоятельства, которые заставляют сомневаться в версии обвинения о посмертном характере сожжения. Так, из протокола следовало, что на задней поверхности тела имелись участки сохраненной кожи с наличием трупных пятен и пузырей, лопнувших и не лопнувших, заполненных жидкостью. Проводя судебно-медицинское исследование, эксперт сделал вывод, что наличие данных пузырей является признаком посмертного действия пламени. Также адвокаты подсудимого поставили под сомнение установление вида горючего вещества, которое использовал преступник для сожжения.

Версии сторон. Обвинение и защита представили свое толкование (интерпретацию) установленных обстоятельств. По ходатайству государственного обвинителя была проведена повторная судебно-медицинская экспертиза, в заключении которой был сделан вывод: имевшее место длительное горение светлых нефтепродуктов при соприкосновении с влагой позволило образоваться обнаруженным у трупа пузырям. В этой связи предмет доказывания по данному делу пополнился следующими промежуточными фактами — необходимостью обоснования вывода о действительном использовании светлых нефтепродуктов и длительности горения. Для наглядности мы обобщили доводы сторон, что позволило проследить логику, которой они руководствовались.

Сторона защиты поставила под сомнение доводы обвинения относительно того, что горели именно светлые нефтепродукты, задав члену комиссии экспертов соответствующий вопрос. Объясняя механизм сожжения, эксперт пояснил, что независимо от того, какие нефтепродукты были использованы, те части тела, где отсутствует одежда, обгорают мало, так как светлые нефтепродукты прогорают быстро. Например, лицо, на котором не было никакого предмета одежды. Таким образом, эксперт смог избежать объяснений, какие нефтепродукты использовались для сожжения тела.

Исследуя фрагмент протокола судебного заседания, можно заметить, что допрос эксперта подсудимым развивался по принципу спирали, когда каждый новый вопрос предварял предыдущий ответ и был нацелен на дискредитацию позиции эксперта. Так, эксперт утверждал, что нефтепродукты сгорели полностью. Подсудимый же ссылаясь на заключение другого эксперта, которое явилось основой для выводов в исследуемом заключении, в котором говорилось обратное. Тогда эксперт привел новый довод, чтобы оправдать ранее сказанное, однако был вынужден отвечать на новый, противоречащий его позиции вопрос.

Избранная защитой тактика носила наступательный характер, преследуя цель продемонстрировать суду (присяжным заседателям) противоречивость доказательств обвинения. Суть данной тактики («карточный домик») состоит в том, что допрашивающий выстраивает логическую цепочку. Каждый ответ мысленно анализируется, и новый вопрос, адресованный допрашиваемому, задается исходя из ответа на предыдущий вопрос. При этом следует постоянно апеллировать к ранее сказанному. Каждый вопрос в подобных условиях может быть начат с фразы «Вы сослались...» или «Вы сказали...». Вопросы следует задавать до того момента, пока это не станет тактически нецелесообразным.

Вопрос относительно обнаружения и исследования нефтепродуктов — один из важнейших в криминалистическом исследовании пожаров. Его выяснение требуется не только для установления вида горючего вещества, но и для моделирования перед присяжными обстановки на месте преступления, что, в свою очередь, служит платформой для

выдвижения и проверки обвинительных и оправдательных версий.

В судебно-медицинской практике обгорание наиболее часто наблюдается в условиях пожара. Оно может быть полным или частичным. На процесс карбогенизации трупа решающее влияние оказывают физические процессы и явления, протекающие во время горения: процессы массо- и теплопереноса, геометрия и пространственное расположение горючих объектов, аэродинамические условия, энергия источника горения, длительность действия пламени. Параметры обгорания могут существенно модифицироваться при изменении условий горения: повышении давления, изменении процентного содержания кислорода в газовой смеси и т.д. По мере усиления действия термического фактора обгорают открытые части тела, а затем защищенные одеждой. Прилегающие к ложу трупа нижележащие участки тела обгорают в последнюю очередь. При значительно выраженной подкожной жировой клетчатке происходит ее вытапливание и пропитывание расплавленным жиром одежды, что может привести к ошибочному заключению о наличии на ней горючих веществ. Пропитывание одежды расплавленным жиром может привести к так называемому «фитильному горению одежды», которое потенцирует дальнейшее распространение пламени⁷.

Дифференцирование веществ (бензина, подкожного жира), вызвавших фитильное горение одежды, способствовавшее прогоранию трупа, в ситуации доказывания в суде присяжных конкретного механизма совершения и сокрытия преступления нередко представляет первостепенную задачу. Говоря простым языком, это становится важным, например, в случае, когда сторона обвинения утверждает, что подсудимый облил жертву легкими нефтепродуктами. Сторона защиты, напротив, полагает, что имеющиеся в материалах дела данные о значительном прогорании тела никак не вписываются в представленную органами обвинения версию и подтверждают иной механизм произошедшего.

Исследуемая практика показала, что допрос эксперта в суде не способствует восполнению пробелов и не позволяет присяжным сформировать правильное представление о природе и сущности объектов (имеются в виду объекты в широком смысле, а не только направленные на экспертизу). В этом случае мы имеем дело с проблемным казусом, который приобретает такие черты вследствие специфического набора поведенческих тактик, которым следует сам эксперт, защищая свое заключение. Это может найти отражение в показаниях, которые дает эксперт перед присяжными.

Кейс второй. *Требование обосновывать любой факт, имеющий криминалистическое значение и позволяющий присяжным разрешить дело, является обязательным. Представляя присяжным заседателям экспертное заключение, стороны и председательствующий обязаны донести до них информацию о «неполноценности», а в отдельных случаях — даже ущербности вывода в ситуации, когда в процессе проведения исследования эксперт по различным причинам не использовал весь спектр имеющихся научных возможностей и методик.*

Условия кейса. Известно, что наличие копоти в верхних дыхательных путях является достоверным признаком прижизненности сожжения тела, однако ее отсутствие абсолютным признаком не является, а оценивается в совокупности с другими.

В судебном заседании по инициативе стороны защиты был поднят вопрос о необходимости обоснования такого признака, указывающего на посмертность сожжения, как отсутствие копоти в дыхательных путях и легких. В исследуемом в присутствии присяжных заседателей экспертном заключении фигурировала фраза: «Отсутствие копоти в просветах дыхательных путей на всем протяжении вплоть

до альвеол легких». Проводимый в судебном заседании допрос эксперта показал, что данный вывод не был основан на полном гистологическом исследовании верхних дыхательных путей и обоих легких.

Как отмечают специалисты в области судебной медицины, посвятившие свои работы особенностям диагностики термической травмы, отсутствие копоти на слизистой оболочке дыхательных путей не всегда свидетельствует о посмертном воздействии огня, т.к. оно может наблюдаться при быстрой смерти в пламени. Макроскопически не всегда можно решить вопрос о наличии или отсутствии копоти на слизистой оболочке гортани, трахеи и бронхов. Однако и выборочное изучение органов не позволяет дать достоверный ответ относительно точности проведенных диагностических исследований применительно к прижизненности или посмертности сожжения тела.

Таким образом, наличие подобных условий не позволяет сформулировать категорический вывод о существовании факта, если хоть что-то указывает на обратное.

При нынешнем уровне нормативного регулирования и сложившейся правоприменительной практики в области функционирования института суда присяжных решать предложенную задачу представляется возможным только посредством грамотно спланированной тактики допроса экспертов.

Литература

1. Ароцкер Л.Е. Криминалистические методы в судебном разбирательстве уголовных дел : автореф. дис. ... докт. юрид. наук / Л.Е. Ароцкер. М., 1965. 43 с.
2. Витер В.И. Порядок работы врача — судебно-медицинского эксперта при осмотре трупа на месте его обнаружения : учебное пособие / В.И. Витер, А.Ю. Вавилов, К.А. Бабушкина, С.В. Хохлов и др. Ижевск : ИГМА, 2016. 88 с.
3. Орлов Ю.К. Современные проблемы доказывания и использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве : научно-учебное пособие / Ю.К. Орлов. М. : Проспект, 2016. 208 с.
4. Сретенцев Н.И. Теоретико-прикладные аспекты судебной идентификации личности человека по следам биологического происхождения : учебное пособие / Н.И. Сретенцев. Орел : ОрЮИ МВД России, 2008. 71 с.
5. Туленков Д.П. Познавательная деятельность при производстве по уголовным делам с участием присяжных заседателей / Д.П. Туленков. М. : Юрлитинформ, 2015. 192 с.
6. Хорошева А.Е. Криминалистические проблемы исследования и оценки заключения молекулярно-генетической экспертизы в судебном разбирательстве уголовных дел / А.Е. Хорошева // Российский следователь. 2017. № 7. С. 11–14.
7. Шамонова Т.Н. Использование достижений биологии в криминалистике и судебной экспертизе / Т.Н. Шамонова // Эксперт-криминалист. 2008. № 4. С. 24–26.

- 1 Ароцкер Л.Е. Криминалистические методы в судебном разбирательстве уголовных дел : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1965. С. 35.
- 2 Туленков Д.П. Познавательная деятельность при производстве по уголовным делам с участием присяжных заседателей. М., 2015. С. 99.
- 3 Орлов Ю.К. Современные проблемы доказывания и использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве : научно-учебное пособие. М., 2016. С. 18.
- 4 Сретенцев Н.И. Теоретико-прикладные аспекты судебной идентификации личности человека по следам биологического происхождения : учебное пособие. Орел, 2008. С. 58.
- 5 Хорошева А.Е. Криминалистические проблемы исследования и оценки заключения молекулярно-генетической экспертизы в судебном разбирательстве уголовных дел // Российский следователь. 2017. № 7. С. 11.
- 6 Шамонова Т.Н. Использование достижений биологии в криминалистике и судебной экспертизе // Эксперт-криминалист. 2008. № 4. С. 24.
- 7 Витер В.И., Вавилов А.Ю., Бабушкина К.А., Хохлов С.В. и др. Порядок работы врача — судебно-медицинского эксперта при осмотре трупа на месте его обнаружения : учебное пособие. Ижевск, 2016. С. 46–47.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА «ЮРИСТ» —
 ЛИДЕР ЮРИДИЧЕСКОЙ ПЕРИОДИКИ
 В РОССИИ И СТРАНАХ СНГ, КОТОРАЯ ОБЪЕДИНЯЕТ
 БОЛЕЕ 60 НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ
 ПО РАЗНЫМ ОТРАСЛЯМ ПРАВА

ДОМ, В КОТОРОМ МЫ ЖИВЕМ...

Кафедра судебных экспертиз и криминалистики Российского государственного университета правосудия была основана 1 сентября 2016 г. для реализации образовательных программ высшего профессионального образования по специальности «Судебная экспертиза».

В настоящее время кафедра объединяет 21 преподавателя (в штате кафедры — 7, внутренних совместителей — 1, внешних совместителей — 7, по гражданско-трудовому договору работают 6 человек), из числа которых 16 имеют ученые степени (в том числе 5 докторов юридических наук, 1 доктор медицинских наук), 5 — ученое звание профессора, 3 — доцента, 1 — почетное звание «Заслуженный юрист Российской Федерации», 2 — «Заслуженный деятель науки Российской Федерации».

На кафедре трудятся видные специалисты в различных областях криминалистики, судебной экспертизы, судебной медицины и психиатрии: доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ Т.В. Аверьянова, доктор юридических наук, профессор М.В. Бобовкин, доктор медицинских наук, заслуженный врач РФ И.А. Гедыгушев, доктор юридических наук, профессор С.М. Колотушкин, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ Н.П. Майлис, доктор юридических наук, кандидат биологических наук профессор Т.Ф. Моисеева и другие. Занятия по многим направлениям судебной экспертизы проводят практикующие эксперты.

Кафедра тесно взаимодействует с Российским федеральным центром судебной экспертизы при Минюсте РФ, Экспертно-криминалистическим центром МВД России.

Кафедра готовит специалистов по направлению подготовки «Судебная экспертиза» по специальностям: «Криминалистическое исследование документов» и «Судебно-экономические экспертизы». Целью образовательной деятельности является подготовка высококвалифицированных кадров, способных к успешной работе в должности судебного эксперта в государственных и негосударственных экспертных учреждениях, подразделениях криминалистики Следственного комитета РФ, а также страховых компаниях, патентном ведомстве и других организациях. Сочетание глубокой теоретической подготовки с активной практической и научно-исследовательской работой под руководством преподавателей и научных сотрудников делает выпускников кафедры конкурентоспособными на рынке труда.

Научная деятельность кафедры заключается в проведении исследовательских работ по правовому, научному и методическому обеспечению судебно-экспертной деятельности (в том числе с участием аспирантов и соискателей). Члены кафедры активно работают над монографиями, участвуют в обсуждении законопроектов, касающихся судебно-экспертной деятельности, занимаются вопросами стандартизации методического обеспечения судебных экспертиз в рамках Технического комитета Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии.

В этом номере мы знакомим вас, уважаемые читатели, с публикациями сотрудников кафедры судебных экспертиз и криминалистики Российского государственного университета правосудия.

Роль судебных экспертиз при доказывании по делам о торговле людьми*

Аверьянова Татьяна Витальевна,
профессор кафедры судебных экспертиз и криминалистики
Российского государственного университета правосудия,
доктор юридических наук, профессор
avers52@yandex.ru

В статье на конкретных примерах рассматриваются роль и значение судебных экспертиз как одного из доказательств в доказывании при расследовании преступлений по делам о торговле людьми.

Ключевые слова: судебная экспертиза, доказывание, торговля людьми, относимость, допустимость, достоверность.

The article examines, on specific examples, the role and importance of forensic medical examination as one of the evidence in the investigation of crimes related to trafficking in persons.

Keywords: forensic examination, proving, human trafficking, relevance, admissibility, reliability.

Являясь одним из видов криминального бизнеса и неотъемлемой частью организованной преступности, торговля людьми с использованием рабского труда представляет собой серьезную опасность для граждан и государственного строя любой страны, создает реальную угрозу государственной и общественной безопасности,

экономической независимости стран, жизни и собственности ее граждан, вызывая у жертв различные отклонения в психике и физическом здоровье. Жертвами данного вида преступления, число которых, по оценкам Организации Объединенных Наций и Международной организации по миграции, растет в геометрической прогрессии, могут

* Role of Forensic Examinations in Evidence in Cases on Human Trafficking

Averyanova Tatyana V., Professor of the Department of Forensic Examinations and Criminalistics of the Russian State University of Justice, Doctor of Law, Professor

оказаться мужчины, женщины, подростки, дети, проданные в трудовое или сексуальное рабство, а также с целью получения донорских органов и тканей человека.

На фоне того, что данный вид преступного бизнеса приобретает транснациональный характер, способствует международному терроризму, обладает высокой латентностью, а главным образом доходы, получаемые от него, сопоставимы с доходами от таких преступлений, как наркобизнес и торговля оружием, вызывает глубокую озабоченность тот факт, что совершение таких преступлений сопровождается коррупционной составляющей со стороны представителей органов государственной власти, включая правоохранительные органы. Это, несомненно, затрудняет, а иногда делает невозможным получение доказательственной информации, что оказывает отрицательное влияние на весь процесс доказывания.

По делам о торговле людьми и эксплуатации человека доказывание имеет свою специфику, связанную, с одной стороны, с особенностями механизма совершения данного вида преступления, с другой — с особенностями процесса расследования и судебного разбирательства.

Схема механизма данного преступного бизнеса выглядит следующим образом: а) вербовка и вывоз; б) перевозка; в) прием и эксплуатация. Причем, как показывает следственная практика, распознать торговлю людьми при вербовке и перевозке практически невозможно, сформировать доказательственную базу данной деятельности на этих этапах затруднительно. Лишь на этапе эксплуатации преступники, осуществляющие продажу людей в рабство, становятся уязвимыми. Но и на этом этапе процесс доказывания сопровождается, как правило, серьезным противостоянием со стороны субъектов работоторговли, которые применяют любые средства в целях противодействия расследованию данного вида преступления.

Тем не менее в окружающей обстановке остаются материальные, а в памяти очевидцев — идеальные следы, которые впоследствии могут стать объектами судебной экспертизы. Это следы вовлечения, следы перемещения, следы эксплуатации жертвы.

В качестве исходной информации о противоправной деятельности работоторговцев используются, как правило, показания потерпевших или их близких родственников. Не следует забывать, что нередко и те и другие отказываются от своих показаний, боясь мести и тяжелых последствий для себя и своих близких со стороны преступных элементов.

Исходная информация может быть получена оперативным путем, а также от должностных лиц государственных органов и учреждений, сотрудников правоохранительных органов иностранных государств и общественных неправительственных организаций, оказывающих помощь жертвам торговли людьми.

Для проверки исходной информации, получения доказательств по делам о торговле людьми могут быть использованы только те средства, которые допускает уголовно-процессуальный закон. К ним относятся такие процессуальные и следственные действия, как осмотр помещений и участков местности, обыск и выемка, освидетельствование, предъявление для опознания и т.д., среди которых особое место занимает назначение и производство судебных экспертиз.

Экспертиза назначается в тех случаях, когда необходимо получить доказательственную информацию с использованием специальных знаний из естественных или иных наук. Экспертное исследование по своей информационной сущности представляет собой перекодирование доказательственной информации. Результаты проведенного экспертного исследования имеют значения на всех этапах процесса доказывания, и облеченные в форму заключения эксперта, выступают в качестве судебных доказательств.

В силу ряда объективных факторов торговцы людьми не могут избежать совершения тех или иных действий,

обуславливающих появление материальных следов преступления. К таким действиям можно отнести использование технических каналов связи, размещение рекламных объявлений в средствах массовой информации для привлечения потенциальных жертв, оформление виз (как для себя, так и для потенциальной жертвы), безналичные расчеты при перечислении денежных средств и т.д. Эти материальные следы — живые лица, предметы со следами пальцев рук, объекты биологической природы, документы, черновые записи, аудио- и видеозаписи, фотографии — впоследствии становятся объектами судебно-экспертного исследования. Данные следы могут быть оставлены участниками деятельности торговли людьми как на этапе вовлечения, так и на этапах перевозки и эксплуатации жертвы преступления.

Практика показывает, что при расследовании преступлений, связанных с торговлей людьми и эксплуатацией человека, назначаются, как правило, следующие виды экспертиз: судебно-медицинская, психологическая, психолого-психиатрическая, дактилоскопическая, почерковедческая, фототехническая, компьютерная, фототехническая и иные.

В ходе *судебно-медицинской, психологической и психолого-психиатрической экспертиз* устанавливаются: причина смерти; наличие, характер и тяжесть имеющихся телесных повреждений, свидетельствующих о факте издевательств и насилия над жертвами, их давность; орудие и признаки способа причинения телесных повреждений; степень утраты трудоспособности; наличие и характер признаков психологического воздействия (психического насилия); эмоциональное состояние жертвы (для дальнейшего участия в следственных действиях и судебном процессе); признаки посттравматического стрессового расстройства; индивидуально-психологические особенности пострадавшего (для установления способности осознавать характер осуществляемых в отношении него действий и оказывать сопротивление); психологическая характеристика отношений между потерпевшим и подозреваемым (обвиняемым); и т.д.

Не менее важное значение при расследовании дел данной категории имеют результаты экспертных исследований самих преступных элементов. Необходимость в таких исследованиях обусловлена, в частности, установлением и подтверждением иерархичности распределения ролей среди членов преступной группы, связанной с торговлей людьми, получением их поведенческих характеристик внутри группы и в обществе. Такие исследования, как правило, проводятся в рамках комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы.

Следует отметить, что в отличие от судебно-медицинской экспертизы большинство экспертных методик психологической и комплексной психолого-психиатрической экспертизы в России находятся в стадии разработки.

Объектами *дактилоскопической экспертизы* по делам о торговле людьми с использованием рабского труда являются следы рук подозреваемых и потерпевших, оставленные на предметах обстановки в помещениях, использовавшихся для укрытия, покупки/продажи жертв, на документах, в транспортных средствах, на оргтехнике в интернет-кафе, в офисе и т.п. Исследование позволяет установить по следам рук не только индивидуально-конкретное соответствие лиц, которые, возможно, причастны к подготовке и совершению данных преступлений (вербовщика, перевозчика, укрывателя, диспетчера, сутенера), но и причинно-следственную связь их с произошедшим событием.

Так, в правоохранительные органы города Энска поступила информация, согласно которой отец под предлогом отсутствия средств к существованию продал свою несовершеннолетнюю дочь сутенеру за бутылку дорогостоящего алкогольного напитка. При проверке данной информации был проведен осмотр квартиры, в которой проживали отец и дочь. В ходе осмотра была обнаружена,

изъята и направлена на дактилоскопическую экспертизу бутылка дорогостоящего коньяка. Результаты экспертизы показали, что на бутылке имеются отпечатки пальцев рук, совпадающие с пальцами рук организатора проституции, чьи отпечатки находились в картотеке сутенеров (здесь и далее цитируются материалы из личного архива автора статьи. — Т.А.).

В процессе исследования рукописных текстов, подписей и отдельных записей — объектов *почерковедческой экспертизы* по делам о торговле людьми устанавливаются лица, их выполнившие, а также факт выполнения текстов (записей, подписей) измененным почерком.

Как правило, среди объектов почерковедческой экспертизы фигурируют тексты, подписи и записи, выполненные собственноручно подозреваемыми или потерпевшими: заявления о размещении в СМИ рекламного объявления (например, приглашения выехать на работу за рубеж); контракты; анкеты для получения визы; личные записи преступников; схематические зарисовки расположения зданий, улиц, а также записи имен, фамилий, прозвищ встречающихся (сутенеров, держателей притонов либо их сообщников и других лиц); долговые расписки потерпевших, их письма родным и близким (если таковые удастся отправить), сделанные ими личные записи о пребывании в месте эксплуатации.

Анализ следственной и судебной практики, предпринятый автором статьи и другими учеными, показывает, что удельный вес судебно-почерковедческих экспертиз в среднем составляет около 40% от общего числа экспертиз, проведенных по делам о торговле людьми с использованием рабского труда.

Исследование объектов *фоноскопической экспертизы* — аудио- или видеозаписей фигурантов, их личных встреч, записей телефонных переговоров, полученных в ходе оперативного обследования, проверочной закупки, оперативного эксперимента, позволяет не только идентифицировать подозреваемого по признакам его устной речи, чтобы определить его причастность к расследуемому событию, но и установить признаки неизвестного лица, чья устная речь записана на фонограмме (пол, возраст, социальный статус, эмоциональное состояние в момент записи и проч.), а также определить признаки имитации особенностей речи.

Так, в 2010 г. в Тюмени оперативным путем был установлен факт попытки продажи 10-летней девочки из неблагополучной семьи. В качестве покупателя выступил оперативный сотрудник, который зафиксировал все переговоры на три фонограммы, впоследствии ставшие объектами исследования фоноскопической экспертизы. Исследованием фонограмм, содержащих криминалистически значимую информацию (спорные фонограммы), было установлено одно конкретное лицо, пытавшееся продать малолетнюю.

Нередки случаи, когда вслед за проведенной фоноскопической экспертизой фонограмм по делам о торговле людьми возникает необходимость в проведении лингвистической экспертизы текстов и, наоборот, когда решение ряда вопросов лингвистической экспертизы не представляется возможным без проведения фоноскопической (по материалам устной речи) или автороведческой (по материалам письменной речи) экспертиз.

Необходимость проведения *лингвистической экспертизы* связана, как правило, с тем, что преступники при ведении разговоров стараются применять приемы маскирования содержания своей речи, остерегаясь изобличения их в причастности к данному преступному бизнесу. Именно в рамках лингвистической экспертизы решаются задачи смыслового понимания исследуемого текста, определения социального статуса и коммуникативных ролей говорящих, выявления признаков угроз, вымогательства, враждебных действий, то есть тексты исследуются на предмет наличия речевых деликтов и их интерпретации.

В 2012–2013 годах в Томске было проведено несколько фоноскопических экспертиз по фонограммам, полученным путем прослушивания телефонных переговоров в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий. Из записей переговоров было установлено, что замышляется перепродажа в целях сексуального рабства молодых девушек из различных регионов страны членами одной организованной преступной группы другой организованной преступной группе (ОПГ).

В результате производства фоноскопических экспертиз, направленных на исследование 37 фонограмм, были идентифицированы девять человек — членов ОПГ, участвовавших в обсуждении вопросов по реализации данных действий.

Впоследствии была проведена лингвистическая экспертиза, на разрешение которой были поставлены следующие вопросы:

1. О каких действиях и их субъектах, событиях и их участниках и обстоятельствах действий идет речь на фонограммах?

2. Каковы роли и функции участников разговора, зафиксированного на фонограмме?

Результаты проведенных фоноскопических и лингвистических экспертиз были использованы в процессе доказывания по расследуемому делу и в совокупности с другими доказательствами легли в основу судебных решений.

Немаловажное значение в доказывании по делам о торговле людьми имеют результаты *компьютерной экспертизы*. Информация, свидетельствующая о преступных связях лиц, занимающихся вербовкой, перевозкой и эксплуатацией «живого товара», может содержаться на электронных носителях, принадлежащих преступникам: машинных носителях (накопителях на жестких и гибких магнитных дисках, флеш-накопителях, картах памяти, оптических дисках и т.п.); мобильных телефонах, смартфонах, планшетных компьютерах, SIM-картах; системных блоках персональных компьютеров, ноутбуков, нетбуков и т.д. Информация, имеющая доказательственное значение, может храниться не только в виде отдельных текстовых, графических, мультимедийных файлов, но и в базах данных почтовых сообщений, интернет-пейджеров, истории работы интернет-браузеров, пиринговых сетей и т.п.

Решаемые в рамках компьютерной экспертизы по делам о торговле людьми задачи позволяют устанавливать информацию на машинном носителе о действиях пользователя (процессах обработки файлов, ведения баз данных, работе в сетях передачи данных и т.п.); определять возможности совершения каких-либо действий с помощью программного обеспечения либо средств вычислительной техники; и т.д.

Идентификационная задача установления материальных объектов по компьютерной информации (например, определение камеры, с помощью которой было создано фотоизображение или видеофайл) решается только в комплексе с другими видами экспертиз (используются файлы, информация в которых получена в результате конформного преобразования идентификационных свойств объекта).

Исследованием информации в мобильных устройствах, установленных в них SIM-картах и картах памяти можно установить наличие информации, вводимой абонентом (телефонной книги, SMS- и почтовых сообщений, аудио-, видео- и графических файлов и др.), и информации, накопленной в телефоне при его работе в сети сотовой связи (сведений о последних набранных и полученных звонках, принятых и отправленных сообщениях, работе пользователя в сети Интернет и др.). Мобильные телефоны и персональные компьютеры могут содержать информацию и об использовании систем дистанционного банковского обслуживания, криптовалют при торговле людьми.

Так, в 2012 г. в Перми было возбуждено уголовное дело по факту торговли молодыми девушками в арабские страны под предлогом их трудоустройства в странах Европы и

Америки. В ходе расследования были назначены и проведены компьютерные экспертизы, направленные на извлечение данных с персональных компьютеров и мобильных телефонов, изъятых у подозреваемых. Экспертным исследованием были установлены данные, указывающие на использование аккаунтов, и выявлена криминалистически значимая информация о контактах подозреваемых, извлечены тексты переписки и фотографии девушек.

В дальнейшем по выявленным письменным текстам проводились лингвистические экспертизы. На разрешение экспертов были поставлены вопросы, касающиеся выявления побуждений к каким-либо действиям и ситуаций, о которых идет речь в тексте. Кроме того, по данному делу по извлеченным из памяти мобильных телефонов фотографиям девушек была проведена комплексная компьютерная и фототехническая экспертиза, позволившая установить погрешности ПЗС-матрицы цифровой камеры, оказывающей влияние на качество полученной с ее помощью фотографии. В рамках компьютерной экспертизы были получены сведения о метаданных файлов (марке, модели телефона, программах, используемых для их создания и обработки, GPS-координатах места съемки и т.д.). Фототехнической экспертизой были установлены технические особенности ПЗС (CCD) матрицы цифровой камеры. Результаты комплексной экспертизы позволили установить мобильное устройство, которое использовалось для получения фотографий девушек, предназначенных для продажи. Заключение экспертов легло в основу судебного решения.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что согласно ч. 1 ст. 144 УПК РФ назначение и производство экспертиз возможно до возбуждения уголовного дела. В рамках расследования преступлений по факту торговли людьми

с использованием рабского труда это нередко способствует получению доказательств уже на стадии получения оперативной информации. Однако заключение эксперта, являясь элементом процесса доказывания и одной из предусмотренных законом мер по достижению истины, наравне с другими доказательствами должно отвечать требованиям относимости, допустимости, достоверности.

Литература

1. Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве : учебное пособие для вузов. В 2 ч. Часть 1. Изд. 2-е, испр. и доп. / А.Р. Белкин. М. : Юрайт, 2017. 235 с.
2. Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве : учебное пособие для вузов. В 2 ч. Часть 2. Изд. 2-е, испр. и доп. / А.Р. Белкин. М. : Юрайт, 2017. 353 с.
3. Ивашкин Д.В. Объект торговли людьми / Д.В. Ивашкин // Юридический мир. 2008. № 9. С. 59–62.
4. Методика расследования торговли людьми : учебное пособие / А.А. Хамдамов, О.А. Камалов, У.Э. Расулев и др. Ташкент : Академия МВД Республики Узбекистан, 2015. 225 с.
5. Сапожников А.И. К вопросу о совершенствовании мер противодействия торговле людьми / А.И. Сапожников // Миграционное право. 2009. № 3. С. 39–41.
6. Торбин Ю.Г. К вопросу о противодействии торговле людьми (исторический анализ явлений) / Ю.Г. Торбин // Миграционное право. 2009. № 4. С. 38–47.
7. Торговля людьми : выявление, раскрытие, расследование / под ред. к.ю.н. О.П. Левченко. Владивосток, 2009. 100 с.

О развитии судебно-почерковедческой диагностики*

Бобовкин Михаил Викторович,

профессор кафедры судебных экспертиз и криминалистики
Российского государственного университета правосудия,
доктор юридических наук, профессор
mbobovkin@yandex.ru

Ручкин Виталий Анатольевич,

заведующий кафедрой судебной экспертизы
и физического материаловедения
Волгоградского государственного университета,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
v.ruchkin@yandex.ru

В статье рассматриваются основные теоретические и методические положения судебно-почерковедческой диагностики. Высказывается авторская точка зрения на предмет, задачи и методику судебно-почерковедческой диагностической экспертизы. Определена система судебно-почерковедческой диагностики. Большое внимание уделяется компонентному составу решения экспертной задачи в зависимости от наличия или отсутствия сравнительного материала.

Ключевые слова: судебная экспертиза, судебно-почерковедческая диагностика, диагностические свойства почерка, экспертное исследование почерка.

The article examines the basic theoretical and methodological considerations of forensic handwriting examination. The author expresses his opinion on the subject, tasks and methods of forensic handwriting expert examination. The system of forensic handwriting examination has been defined. Special attention is paid to the components of the expert task solution depending on the availability or absence of material for comparison.

Keywords: forensic examination, forensic handwriting examination, determination of handwriting properties, expert examination of handwriting.

* On the Development of Forensic Handwriting Examination

Bobovkin Mikhail V., Professor of the Department of Forensic Examinations and Criminalistics of the Russian State University of Justice, Doctor of Law, Professor
Ruchkin Vitaly A., Head of the Department of Forensic Examination and Material Physics of the Volgograd State University, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor

На современном этапе правоохранительные органы России все чаще нуждаются в судебно-почерковедческой диагностической экспертизе. Однако ее теоретические, методические и организационно-тактические основы еще не вполне сформировались. Решение этих краеугольных вопросов находится в сфере судебно-почерковедческой диагностики — раздела судебного почерковедения, охватывающего систему знаний о диагностических закономерностях почерка и процесса его исследования.

Судебно-почерковедческая диагностика образует целостную теорию и служит научно-практической основой решения задач судебно-почерковедческой диагностической экспертизы.

Полагаем, что предмет судебно-почерковедческой диагностики составляют закономерности:

1) типологического своеобразия (типологии) почерка — зависимости формирования и функционирования письменно-двигательного функционально-динамического комплекса навыков (ФДК) от социально-демографических и психологических свойств личности исполнителя рукописи;

2) избирательной изменчивости (адаптационной реактивности) почерка — зависимости формирования и функционирования письменно-двигательного ФДК от воздействия внешних и внутренних сбивающих факторов;

3) временной изменчивости почерка — зависимости формирования и функционирования письменно-двигательного ФДК от влияния факторов времени;

4) индивидуальности, динамической устойчивости, вариационности, разброса признаков в качестве иных криминалистических свойств почерка, имеющих диагностическое значение;

5) процесса (структуры и содержания) судебно-диагностического исследования почерка;

6) создания на основе этих закономерностей научных основ судебно-почерковедческой диагностики (общей теории), разработки методов и методик решения задач судебно-почерковедческой диагностической экспертизы.

Как научная теория, судебно-почерковедческая диагностика на современном этапе только формируется и выполняет ряд функций: методологическую, информационную, объяснительную, синтезирующую, эвристическую, практическую, прогностическую и др.

Поэтому основными задачами судебно-почерковедческой диагностики являются:

— создание на основе закономерностей почерка и процесса его исследования научных основ судебно-почерковедческой диагностической экспертизы;

— разработка методов и методик решения задач судебно-почерковедческой диагностической экспертизы в целях установления фактов (фактических обстоятельств), имеющих доказательственное и ориентирующее значение в правоохранительной деятельности;

— подготовка и совершенствование рекомендаций в сфере профилактической и справочно-консультационной деятельности эксперта (специалиста) — почерковеда, решающего диагностические задачи.

В настоящее время с учетом уровня ее развития основными задачами теории судебно-почерковедческой диагностики выступают:

— обобщение и систематизация накопленных знаний, формирование концепции диагностических исследований в судебном почерковедении;

— развитие научных основ судебного почерковедения в виде пополнения их знаниями о судебно-почерковедческой диагностике;

— создание фундаментальной основы для экспериментальных исследований, разработки методов и методик судебно-почерковедческой диагностической экспертизы.

Решение указанных задач связано с осуществлением широкомасштабной научно-исследовательской работы и обеспечивает формирование теории судебно-почерковедческой диагностики. Система этой области знаний строится по дедуктивному принципу и включает общую и особенную части.

Общая часть состоит из положений теоретического характера, выступающих научной базой для развития особенной части. Напротив, особенная часть имеет прикладное значение и служит методическим руководством для судебно-почерковедческой диагностической экспертизы.

Содержание общей части охватывает следующий круг знаний:

1. История и современное состояние судебно-почерковедческой диагностики, перспективы ее дальнейшего развития.

2. Предмет, задачи, методология, фундаментальная база, система судебно-почерковедческой диагностики.

3. Учение о почерке как объекте судебно-почерковедческой диагностической экспертизы, система диагностических свойств и признаков почерка.

4. Учение о процессе судебно-почерковедческой диагностической экспертизы; психологическая структура решения диагностической задачи; основные методические положения, схемы, общая методика диагностического исследования почерка.

5. Правовые и организационно-тактические основы судебно-почерковедческой диагностической экспертизы; тактика назначения, организация производства, оценка и использование результатов в правоохранительной деятельности.

6. Профилактическая и справочно-консультационная деятельность эксперта (специалиста) почерковеда в области судебно-почерковедческой диагностической экспертизы.

Особенная (специальная) часть судебно-почерковедческой диагностики представлена в виде системы частных методик судебно-почерковедческой диагностической экспертизы с учетом специфики вида, состава, объема, условий выполнения рукописи¹. В ней представлены методики решения диагностических задач судебно-почерковедческой экспертизы, связанные с единичным или групповым (множественным) исследованием: рукописных текстов, кратких записей, подписей; буквенного, цифрового, штрихового, смешанного состава; большого, среднего, малого объема; выполненных в обычных и необычных условиях письма; обусловленных влиянием внешних и внутренних сбивающих факторов, сходства почерка разных лиц.

Дальнейшая конкретизация условий выполнения рукописи является заключительным основанием систематизации методик судебно-почерковедческой диагностической экспертизы. При этом учитывается влияние отдельных внешних и внутренних сбивающих факторов. Так, при искусственном (намеренном, умышленном) изменении почерка деление проводится по способу его маскировки — перемена привычно пишущей руки, скорописное искажение, подражание буквам печатных шрифтов и т.д.

Развитие общих положений судебно-почерковедческой диагностики обеспечивает повышение эффективности ее специальных возможностей. При этом теоретические данные выступают основой дальнейшего совершенствования методического потенциала судебно-почерковедческой диагностики, что в итоге реализуется в судебно-экспертной практике.

В свою очередь, судебно-почерковедческая диагностическая экспертиза представляет собой исследование и дачу экспертом заключения в соответствии с законодательством Российской Федерации на основе специальных знаний в области судебно-почерковедческой диагностики как специального раздела судебного почерковедения.

Судебно-почерковедческая диагностическая экспертиза нацелена на установление фактов, имеющих значение для правоохранительной деятельности, по заданию

уполномоченных органов и лиц (суда, следователя, дознавателя), в соответствии с законодательством Российской Федерации на основе методики судебно-почерковедческой диагностической экспертизы.

Судебно-почерковедческая диагностическая экспертиза характеризуется большим разнообразием задач, исходя из степени их общности по целям и условиям, решение которых обеспечивает установление наиболее общих и конкретных (внешних, внутренних) условий письма, типологических свойств личности исполнителя рукописи, времени ее выполнения. Согласно указанным целям экспертные задачи подразделяются на следующие категории: общие, классификационные, собственные, ситуационные, временные².

Общие диагностические задачи имеют универсальный характер и связаны с установлением наиболее общих условий письма при выполнении рукописи в качестве самостоятельной или промежуточной цели диагностического процесса. Эти задачи включают: а) установление факта выполнения рукописи в обычных (нормальных) или необычных условиях письма; б) определение характера необычности выполнения рукописи, то есть воздействия на процесс письма временных или постоянно действующих сбивающих факторов; в) отнесение временного сбивающего фактора (при установлении факта его воздействия) к группе естественных, не связанных с намеренным изменением почерка, или к группе искусственных, обусловленных умыслом исполнителя рукописи своего почерка; г) определение принадлежности естественного сбивающего фактора к подгруппе внутренних (функциональных) либо к подгруппе внешних (обстановочных).

Классификационные диагностические (атрибутивные) задачи направлены на установление типологической (групповой) принадлежности исполнителя рукописи к определенному классу по социально-демографическим, психологическим и иным характеристикам, таким как пол, возраст, характер, тип темперамента, сходство почерков разных лиц и др.

Собственные диагностические задачи связаны с определением: а) необычного внутреннего состояния исполнителя рукописи (психофизиологического — аффект, стресс, возбуждение, торможение и т.д. или патологического — психического, соматического); б) способа намеренного изменения исполнителем рукописи своего почерка (перемена привычно пишущей руки; подражание буквам печатной формы, почерку другого лица, школьным прописям; скорописная маскировка почерка; письмо с удерживанием пишущего прибора на непривычном расстоянии от острия пера и др.).

Ситуационно-диагностические задачи связаны с установлением специфики внешней обстановки выполнения рукописи: непривычная поза исполнителя, необычный пишущий прибор, ограничение зрительного контроля, темнота, письмо в движущемся транспорте и др.

Временные диагностические задачи направлены на определение давности выполнения рукописи по признакам почерка. К ним относятся установление абсолютной (хронометрической) и относительной (хронологической) давности почерковых объектов, установление одновременного или разновременного выполнения рукописей, выявление дописки и т.д.

Методика судебно-почерковедческой диагностической экспертизы представляет собой систему методов, приемов и технических средств, определяющих процедуру и содержание решения задач судебно-почерковедческой диагностической экспертизы.

В целом процесс их решения составляет общую методику судебно-почерковедческой диагностической экспертизы. Отдельные категории диагностических задач базируются на частных методиках исследования в соответствии с условиями их применения.

Решение общих задач предполагает диагностику по почерку наиболее общих условий выполнения рукописи в качестве промежуточной цели основного исследования — собственного, классификационного, ситуационного, временного. Этот процесс включает установление: обычных или необычных условий письма при выполнении рукописи; постоянного или временного характера необычности письма; естественной или искусственной группы необычности письма; внутренней (функциональной) или внешней (обстановочной) подгруппы необычности письма.

Собственные и ситуационные задачи связаны с диагностикой конкретных сбивающих факторов в виде причины необычных условий письма при выполнении рукописи. Их решение осуществляется по отдельной методической схеме в виде последовательного установления: информативных диагностических признаков почерка; дифференциальной значимости информативных признаков почерка и их симптомокомплекса в целом; конкретного сбивающего фактора в качестве причины необычности письма при выполнении рукописи на основе решающего правила.

Классификационные задачи связаны с диагностикой типологических свойств исполнителя рукописи, выполненной в обычных или необычных условиях письма. Этот процесс реализуется в виде установления: информативных диагностических признаков почерка; дифференциальной значимости информативных признаков почерка и их симптомокомплекса в целом; типологической принадлежности исполнителя рукописи к определенному классу по социально-демографическим, психологическим, иным характеристикам на основе решающего правила.

Решение временных задач является наименее разработанным направлением судебно-почерковедческой диагностики. Ее развитие нуждается в проведении всесторонних научных разработок. Полагаем, что методическая схема этого исследования связана с установлением: пределов вариационности, разброса, избирательной изменчивости информативных признаков почерка в исследуемой рукописи; пределов изменчивости информативных признаков почерка в сравнительных образцах, относящихся к разным периодам времени; конкретного периода времени исследуемой рукописи или хронологической последовательности выполнения разных рукописей.

Указанные методические схемы реализуются в общей методике судебно-почерковедческой диагностической экспертизы. Она имеет комплексный (качественный и количественный) характер и базируется на уровневой организации решения экспертных задач. Ее сущность заключается в неоднократной циклической реализации главных звеньев исследования (этапов и стадий), его последовательном углублении и детализации, постепенном переходе от одного уровня к другому. В целом диагностический процесс характеризуется трехзвенной структурой. Однако специфика решения отдельных задач может потребовать реализации большего количества уровней исследования.

Анализ специальной литературы в области судебно-почерковедческой диагностики позволяет установить основные направления дальнейшего развития судебно-почерковедческой диагностической экспертизы: теоретическое, экспериментальное, методическое, организационно-тактическое. Дополнительными направлениями являются: правовое и материально-техническое обеспечение, организационно-управленческая деятельность, профессиональное обучение и повышение квалификации, международное сотрудничество.

Теоретическое развитие судебно-почерковедческой диагностической экспертизы имеет стратегическое значение. Это направление связано с повышением уровня судебно-почерковедческой диагностики и судебной диагностики письма в виде криминалистического учения,

составляющего научную основу судебной экспертизы письма. Оно включает широкий круг научных исследований, связанных с определением: основных теоретических положений, методологии и фундаментальной базы судебно-почерковедческой диагностики; закономерностей формирования, функционирования, типологии, изменения письменного и письменно-двигательного ФДК навыков; закономерностей реализации основных диагностических свойств письма и почерка; понятия и системы диагностических признаков письма и почерка.

Экспериментальное развитие судебно-почерковедческой диагностической экспертизы прежде всего связано с дальнейшим совершенствованием знаний, касающихся частоты встречаемости и информативной значимости диагностических признаков письма, почерка в условиях влияния основных типологических, сбивающих и временных факторов с учетом использования современных норм прописи, а также корреляции свойств (качеств) и состояний исполнителя рукописи, условий ее выполнения с диагностическими признаками письма.

Эти данные составляют экспериментальную базу для развития методического потенциала криминалистической диагностики письма и почерка, разграничивают ее с псевдонаучными знаниями в области графологии.

Развитие методических основ судебно-почерковедческой диагностической экспертизы включает следующие задачи:

1. Формирование общего учения о процессе криминалистической диагностики письма и почерка.
2. Совершенствование общей методики судебно-почерковедческой диагностики.
3. Повышение эффективности ранее разработанных частных методик судебно-почерковедческой диагностики.
4. Разработку частных методик решения диагностических задач, связанных с установлением типологических свойств исполнителя рукописи, влияния сбивающих и временных факторов в отношении отдельных категорий почерковых объектов.
5. Повышение эффективности кибернетических методов диагностики письма и почерка, создание автоматизированных алгоритмов решения задач судебно-почерковедческой диагностической экспертизы.
6. Сертификацию и стандартизацию методического обеспечения в сфере судебно-почерковедческой диагностики и др.

Организационно-тактическое развитие судебно-почерковедческой диагностической экспертизы связано с дальнейшим формированием специальных знаний в сфере: тактики назначения и организации производства судебно-почерковедческой диагностической экспертизы; тактики

назначения и организации производства профилактической и справочно-консультационной деятельности в области судебно-почерковедческой диагностической экспертизы; взаимодействия между субъектами назначения и производства судебно-почерковедческой диагностической экспертизы; оценки и использования результатов судебно-почерковедческой диагностической экспертизы в судопроизводстве и иной правоохранительной деятельности.

Представляется, что высказанные суждения по актуальным вопросам теории и методики судебно-почерковедческой диагностики вносят определенный вклад в развитие криминалистики и науки о судебной экспертизе. Они соответствуют потребностям судебно-экспертной практики и определяют приоритетные задачи научно-исследовательской работы.

Литература

1. Бобовкин М.В. О систематизации диагностических задач судебно-почерковедческой экспертизы / М.В. Бобовкин, Н.А. Соловьева // Судебная экспертиза. 2013. № 3 (35). С. 24–31.
 2. Брусенцова И.В. Почерковедческая экспертиза: этапы развития и современные возможности / И.В. Брусенцова // Юрист. 2004. № 11. С. 12–19.
 3. Жижина М.В. Почерковедческая диагностика и безопасность предпринимательской деятельности / М.В. Жижина // Эксперт-криминалист. 2008. № 4. С. 13–16.
 4. Орлова В.Ф. Судебно-почерковедческая диагностика : учебное пособие для студентов вузов / В.Ф. Орлова. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2006. 160 с.
 5. Скрипилева Н.А. К вопросу о значении неидентификационных (диагностических) почерковедческих исследований при расследовании уголовных дел / Н.А. Скрипилева // Эксперт-криминалист. 2006. № 1. С. 23–28.
 6. Судебно-почерковедческая экспертиза. Общая часть. Теоретические и методические основы судебно-почерковедческой экспертизы / под науч. ред. В.Ф. Орловой. Изд. 2-е перераб. и доп. М. : Наука, 2006. 516 с.
-
- 1 Судебно-почерковедческая экспертиза. Общая часть. Теоретические и методические основы судебно-почерковедческой экспертизы / под науч. ред. В.Ф. Орловой. Изд. 2-е перераб. и доп. М. : Наука, 2006. С. 10.
 - 2 Бобовкин М.В., Соловьева Н.А. О систематизации диагностических задач судебно-почерковедческой экспертизы // Судебная экспертиза. 2013. № 3 (35). С. 24–31.

Объекты судебной экономической экспертизы в отношении операций с активами, созданными на основе технологии блокчейн*

Колотов Сергей Михайлович,

генеральный директор ООО «Аудиторская компания «ГРАД»,
преподаватель кафедры судебных экспертиз и криминалистики
Российского государственного университета правосудия
kolotov@gmail.com

В статье рассматриваются объекты судебных экономических экспертиз в отношении операций с активами, созданными на основе технологии блокчейн. Обоснован выбор объектов и тезис о невозможности непосредственного исследования электронного реестра блокчейн при производстве судебных экономических экспертиз.

Ключевые слова: судебная экономическая экспертиза, блокчейн, майнинг.

The article contains information about the objects of forensic economic expertise of transactions with assets created on the basis of blockchain technology. Considered the choice of objects and the thesis that it is incorrect to directly examine the electronic registry of blockchain when conducting forensic economic expertise.

Keywords: forensic economic expertise, blockchain, mining.

Развитие научно-технического прогресса приводит к образованию новых видов активов, которые обладают сочетаниями свойств, ранее не наблюдаемых у иных активов. Примером могут служить цифровые активы, созданные на основе технологии блокчейн. Данные активы существуют только в цифровой форме, и некоторые из активов могут быть созданы в процессе выполнения участниками сети задач, предусмотренных разработчиком сети (так называемый майнинг). Необходимо отметить, что данные активы являются объектами сделок и даже претендуют на признание в качестве альтернативной валюты.

Согласно ст. 10 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее — ФЗ ГСЭД) объектами экспертного исследования могут быть: вещественные доказательства; документы; предметы; животные; трупы и их части; образцы для сравнительного исследования; материалы дела, по которому производится судебная экспертиза.

Объектами судебных экономических экспертиз являются в первую очередь документы, поэтому для проведения исследования операций с активами, созданными на основе технологии блокчейн, результаты данных операций должны быть документально оформлены.

Для целей производства судебной бухгалтерской экспертизы операций с активами, созданными на основе технологии блокчейн, объектами исследований могут быть: первичные документы; регистры бухгалтерского учета; договоры (соглашения); учетная политика; иные документы, содержащие сведения о наличии и движении активов, созданных на основе технологии блокчейн и др.

Первичные документы, в которых фиксируются результаты проведения операций с активами, созданными на основе технологии блокчейн, зачастую не составляются, за исключением случаев, когда в результате операции с данными активами производится отчуждение денежных средств или иных активов. В таком случае первичными документами могут являться, в частности, банковская выписка (в отношении платежей за приобретаемые или реализуемые активы, созданные на основе технологии блокчейн), а также случаев, когда составляются документы, свидетельствующие о передаче других активов за активы, созданные на основе технологии блокчейн, например, накладные, акты приема-передачи и т.п.

Для целей проведения экономической экспертизы факт возникновения актива, созданного на основе технологии

блокчейн, целесообразно устанавливать путем проведения компьютерно-технической экспертизы, подтверждающей существование и действительность записи в электронном реестре блокчейн об активе, а также о принадлежности актива пользователю с конкретным идентификатором. Таким же способом подтверждаются факты изменения данных о владельце актива в электронном реестре. При этом необходимо отметить, что соотнесение идентификатора электронного кошелька с конкретными лицами не является предметом судебных экономических экспертиз.

Исчерпывающий перечень регистров бухгалтерского учета, в которых отражаются результаты проведения операций с активами, созданными на основе технологии блокчейн, составить не представляется возможным ввиду того, что в соответствии со ст. 10 Федерального закона от 6 декабря 2011 г. № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» формы регистров утверждает руководитель экономического субъекта по представлению должностного лица, на которое возложено ведение бухгалтерского учета.

Примерами регистров бухгалтерского учета, применяемых экономическими субъектами, являются: оборотно-сальдовая ведомость; оборотно-сальдовая ведомость по счету; анализ счета; карточка счета; обороты счета; анализ субконто; карточка субконто; обороты между субконто; сводные проводки; отчет по проводкам; главная книга; шахматная ведомость.

При анализе регистров бухгалтерского учета возникает вопрос о том, на каких счетах бухгалтерского учета отражается информация о наличии активов, созданных на основе технологии блокчейн, и результатах проведения операций с данными активами. Ответ на данный вопрос зависит от того, к какой группе активов будут отнесены активы, созданные на основе технологии блокчейн. Наиболее обоснованным в настоящее время признается отнесение данных активов, исходя из их экономического содержания, к финансовым активам. В этом случае информация о наличии и движении данных активов может быть получена из регистров по счету учета финансовых вложений, в частности, по счету 58 «Финансовые вложения». В случае создания в бухгалтерском учете резервов под обесценение активов, созданных на основе технологии блокчейн, информация о величине и изменениях указанных резервов может быть получена в регистрах по счету 59 «Резервы под обесценение финансовых вложений».

* Objects of Forensic Economic Examination in Relation to Operations with Assets Based on the Blockchain Technology

Kolotov Sergey M., Director General of GRAD Auditing Company LLC, Lecturer of the Department of Forensic Examinations and Criminalistics of the Russian State University of Justice

Необходимо учитывать, что согласно п. 7.1 Положения по бухгалтерскому учету «Учетная политика организации» (ПБУ 1/2008), утвержденного Приказом Минфина России от 06.10.2008 № 106н, если по конкретному вопросу ведения бухгалтерского учета в федеральных стандартах бухгалтерского учета не установлены способы ведения бухгалтерского учета, организация разрабатывает соответствующий способ исходя из требований законодательства, стандартов бухгалтерского учета, международных стандартов финансовой отчетности, отраслевых стандартов по аналогичным и связанным вопросам. Способ отражения активов, созданных на основе технологии блокчейн, в федеральных стандартах бухгалтерского учета не указан ввиду того, что статус данных активов на текущий момент законодательно не определен.

В связи с изложенным при производстве судебной экспертизы с активами, созданными на основе технологии блокчейн, целесообразно установить конкретный способ учета, выбранный организацией и закрепленный в учетной политике. При этом следует учитывать, что фактический способ отражения операций с активами, созданными на основе

технологии блокчейн, может отличаться от изложенного в учетной политике.

Литература

1. Волынский А.Ф. Роль экспертного сообщества в развитии новых видов судебно-экономической экспертизы / А.Ф. Волынский, В.А. Прорвич // Эксперт-криминалист. 2013. № 1. С. 7–11.
2. Саталкина Е.В. Перспективы профессионального суждения бухгалтера в эпоху блокчейн / Е.В. Саталкина // Бухгалтерский учет, анализ и аудит: история, современность и перспективы развития : материалы XII международной научной конференции студентов, аспирантов, преподавателей. СПб. : Издательство СПбГЭУ, 2017. С. 250–254.
3. Моисеева Т.Ф. Новые методы и средства в формировании новых видов судебно-экспертных исследований / Т.Ф. Моисеева // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2014. № 3. С. 69–75.
4. Моисеева Т.Ф. О компетенции судебного эксперта / Т.Ф. Моисеева // Эксперт-криминалист. 2008. № 1. С. 31–33.

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ «ЭКСПЕРТ-КРИМИНАЛИСТ» на 2019 год

Извещение	Форма № ПД-4								
	ООО "Юридическая периодика" наименование получателя платежа								
	<table style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="width: 50%; border-bottom: 1px solid black; text-align: center;">7705790921</td> <td style="width: 50%; border-bottom: 1px solid black; text-align: center;">40702810500000010326</td> </tr> <tr> <td style="text-align: center; font-size: small;">ИНН получателя платежа</td> <td style="text-align: center; font-size: small;">(номер счета получателя платежа)</td> </tr> </table>	7705790921	40702810500000010326	ИНН получателя платежа	(номер счета получателя платежа)				
7705790921	40702810500000010326								
ИНН получателя платежа	(номер счета получателя платежа)								
	<table style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="width: 50%; border-bottom: 1px solid black; text-align: center;">в ПАО Банк ЗЕНИТ г. Москва</td> <td style="width: 50%; border-bottom: 1px solid black; text-align: center;">БИК 044525272</td> </tr> <tr> <td style="text-align: center; font-size: small;">(наименование банка получателя платежа)</td> <td></td> </tr> </table>	в ПАО Банк ЗЕНИТ г. Москва	БИК 044525272	(наименование банка получателя платежа)					
в ПАО Банк ЗЕНИТ г. Москва	БИК 044525272								
(наименование банка получателя платежа)									
	<table style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="width: 50%;">Номер кор./сч. банка получателя платежа:</td> <td style="width: 50%; border-bottom: 1px solid black; text-align: center;">30101810000000000272</td> </tr> </table>	Номер кор./сч. банка получателя платежа:	30101810000000000272						
Номер кор./сч. банка получателя платежа:	30101810000000000272								
	<table style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="width: 50%; border-bottom: 1px solid black;"><i>Оплата за журнал</i> "Эксперт-криминалист" на 2019 г.</td> <td style="width: 50%; border-bottom: 1px solid black;"></td> </tr> <tr> <td style="text-align: center; font-size: small;">(наименование платежа)</td> <td style="text-align: center; font-size: small;">(номер лицевого счета (код) плательщика)</td> </tr> </table>	<i>Оплата за журнал</i> "Эксперт-криминалист" на 2019 г.		(наименование платежа)	(номер лицевого счета (код) плательщика)				
<i>Оплата за журнал</i> "Эксперт-криминалист" на 2019 г.									
(наименование платежа)	(номер лицевого счета (код) плательщика)								
	<table style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="width: 50%;">Ф.И.О. плательщика _____</td> <td style="width: 50%;"></td> </tr> <tr> <td colspan="2">Адрес плательщика: _____</td> </tr> <tr> <td>Сумма платежа: <u>1680</u> руб. <u>00</u> коп.</td> <td>Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.</td> </tr> <tr> <td>Итого _____ руб. _____ коп.</td> <td>" " _____ 20 _____ г.</td> </tr> </table>	Ф.И.О. плательщика _____		Адрес плательщика: _____		Сумма платежа: <u>1680</u> руб. <u>00</u> коп.	Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.	Итого _____ руб. _____ коп.	" " _____ 20 _____ г.
Ф.И.О. плательщика _____									
Адрес плательщика: _____									
Сумма платежа: <u>1680</u> руб. <u>00</u> коп.	Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.								
Итого _____ руб. _____ коп.	" " _____ 20 _____ г.								
Кассир	С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в частности с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен Подпись плательщика: _____								
Квитанция	Форма № ПД-4								
	ООО "Юридическая периодика" наименование получателя платежа								
	<table style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="width: 50%; border-bottom: 1px solid black; text-align: center;">7705790921</td> <td style="width: 50%; border-bottom: 1px solid black; text-align: center;">40702810500000010326</td> </tr> <tr> <td style="text-align: center; font-size: small;">ИНН получателя платежа</td> <td style="text-align: center; font-size: small;">(номер счета получателя платежа)</td> </tr> </table>	7705790921	40702810500000010326	ИНН получателя платежа	(номер счета получателя платежа)				
7705790921	40702810500000010326								
ИНН получателя платежа	(номер счета получателя платежа)								
	<table style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="width: 50%; border-bottom: 1px solid black; text-align: center;">в ПАО Банк ЗЕНИТ г. Москва</td> <td style="width: 50%; border-bottom: 1px solid black; text-align: center;">БИК 044525272</td> </tr> <tr> <td style="text-align: center; font-size: small;">(наименование банка получателя платежа)</td> <td></td> </tr> </table>	в ПАО Банк ЗЕНИТ г. Москва	БИК 044525272	(наименование банка получателя платежа)					
в ПАО Банк ЗЕНИТ г. Москва	БИК 044525272								
(наименование банка получателя платежа)									
	<table style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="width: 50%;">Номер кор./сч. банка получателя платежа:</td> <td style="width: 50%; border-bottom: 1px solid black; text-align: center;">30101810000000000272</td> </tr> </table>	Номер кор./сч. банка получателя платежа:	30101810000000000272						
Номер кор./сч. банка получателя платежа:	30101810000000000272								
	<table style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="width: 50%; border-bottom: 1px solid black;"><i>Оплата за журнал</i> "Эксперт-криминалист" на 2019 г.</td> <td style="width: 50%; border-bottom: 1px solid black;"></td> </tr> <tr> <td style="text-align: center; font-size: small;">(наименование платежа)</td> <td style="text-align: center; font-size: small;">(номер лицевого счета (код) плательщика)</td> </tr> </table>	<i>Оплата за журнал</i> "Эксперт-криминалист" на 2019 г.		(наименование платежа)	(номер лицевого счета (код) плательщика)				
<i>Оплата за журнал</i> "Эксперт-криминалист" на 2019 г.									
(наименование платежа)	(номер лицевого счета (код) плательщика)								
	<table style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="width: 50%;">Ф.И.О. плательщика _____</td> <td style="width: 50%;"></td> </tr> <tr> <td colspan="2">Адрес плательщика: _____</td> </tr> <tr> <td>Сумма платежа: <u>1680</u> руб. <u>00</u> коп.</td> <td>Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.</td> </tr> <tr> <td>Итого _____ руб. _____ коп.</td> <td>" " _____ 20 _____ г.</td> </tr> </table>	Ф.И.О. плательщика _____		Адрес плательщика: _____		Сумма платежа: <u>1680</u> руб. <u>00</u> коп.	Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.	Итого _____ руб. _____ коп.	" " _____ 20 _____ г.
Ф.И.О. плательщика _____									
Адрес плательщика: _____									
Сумма платежа: <u>1680</u> руб. <u>00</u> коп.	Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.								
Итого _____ руб. _____ коп.	" " _____ 20 _____ г.								
Кассир	С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в частности с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен Подпись плательщика: _____								

Возможности судебно-экспертного исследования бумаги поддельных денежных билетов с применением метода электронной микроскопии*

Кузовлева Ольга Владимировна,

доцент кафедры судебных экспертиз и криминалистики
Российского государственного университета правосудия,
кандидат технических наук
forbreak@yandex.ru

В статье рассмотрены аспекты применения метода сканирующей электронной микроскопии для судебно-экспертного исследования бумаги поддельных денежных билетов. Рассматриваются отличительные особенности банкнотной бумаги для целей судебной экспертизы при установлении подлинности или факта фальсификации банкнот.

Ключевые слова: банкноты, бумага, судебно-экспертное исследование, метод сканирующей электронной микроскопии.

The article deals with the aspects of the application of scanning electron microscopy method for forensic study of paper counterfeit money tickets. Distinctive features of banknote paper for the purposes of forensic examination at establishment of authenticity or the fact of falsification of banknotes are considered.

Keywords: banknote, paper, forensic investigation, the method of scanning electron microscopy.

В ходе осуществления противодействия фальшивомонетничеству правоохранительные органы Российской Федерации должны вырабатывать наиболее эффективные средства и методы борьбы с этим явлением. Поскольку подобные преступления совершаются только с прямым умыслом, изготовлению поддельных денег обычно предшествует тщательная подготовка, которая включает подбор материалов и проработку технологии их изготовления (производства).

Банком России осуществляется глубокая и планомерная деятельность по совершенствованию и усложнению элементов защиты банкнот. Между тем такие элементы не всегда можно отнести к объявленным защитам с визуальным и сенсорным уровнем контроля¹.

В ходе анализа степени опасности выявленных подделок банкнот Банка России А.В. Юровым и В.В. Лютовым было установлено, что основным мотивом деятельности фальшивомонетчиков является личное обогащение². При этом технология изготовления большинства исследованных указанными специалистами поддельных денежных билетов: а) либо не предполагала имитацию защитных признаков, и они отсутствовали совсем; б) либо они выполнялись с относительно низким качеством, а подделке подверглись лишь те признаки, которые контролируются невооруженным глазом.

Подобные фальшивые деньги зачастую печатаются на низкокачественной бумаге, не имеющей защитных волокон или с наклеенными на поверхность волокнами, без водяных знаков, с люминесценцией в ультрафиолетовых лучах. Наряду с этим подобные поддельные денежные билеты, как правило, лишены машиночитаемых элементов (так называемые «малоинтеллектуальные» подделки).

Технология массово выявлявшихся в 2005–2006 годах фальшивых денежных билетов образца 1997 г. номиналом 1000 рублей отличалась сравнительно высоким уровнем проработанности воспроизведения отдельных реквизитов. Они были изготовлены на бумаге без оптического

отбеливателя, имевшей люминесцирующие в УФ-лучах волокна (далее также — микрочастицы) и правдоподобную имитацию водяного знака. Сравнительно качественно были воспроизведены красочные реквизиты: цветовой переход эмблемы Банка России весьма близок к подлинному, а микротекст воспроизведен с высоким качеством.

Защитные волокна, являясь элементом защиты, наиболее часто подделываются на поддельных денежных билетах способами надпечатки или рисованием, реже — наклейкой. В таком случае проверить подлинность купюры можно путем механического отделения волокон от бумажного полотна. На подлинных банкнотах волокна входят в толщу бумаги.

Серьезность задач, стоящих перед судебно-экспертными учреждениями, в которых выполняются экспертизы объектов защищенной полиграфии, обуславливает необходимость применения для раздельного сравнительного исследования денежных билетов современных средств и методов. К числу таких высокотехнологичных методов криминалистического исследования относится сканирующая электронная микроскопия. Анализ бумаги данным методом позволяет не только исследовать защитные цветные волокна на качественном уровне, но и судить о технологических особенностях защиты самой бумаги, в частности, в ручном и в автоматическом режиме проводить микро- и физико-химический анализ самих выявленных волокон, их состава. По результатам проведенного исследования судебным экспертом могут быть сделаны выводы о несоответствии технологии изготовления бумаги исследуемого денежного билета и подлинных банкнот того же номинала и года выпуска.

Следует отметить одно из главных преимуществ сканирующей электронной микроскопии — возможность не только осуществлять фиксацию выявленных включений (обычно для подобной фиксации применяется детектор вторичных электронов при ускоряющем напряжении 3 кВ), но и определять элементный состав подобных микро-частиц.

* Capabilities of Forensic Expert Examination of Paper of Counterfeit Banknotes Using Electronic Microscopy

Kuzovleva Olga V., Associate Professor of the Department of Forensic Examinations and Criminalistics of the Russian State University of Justice, Candidate of Technical Sciences

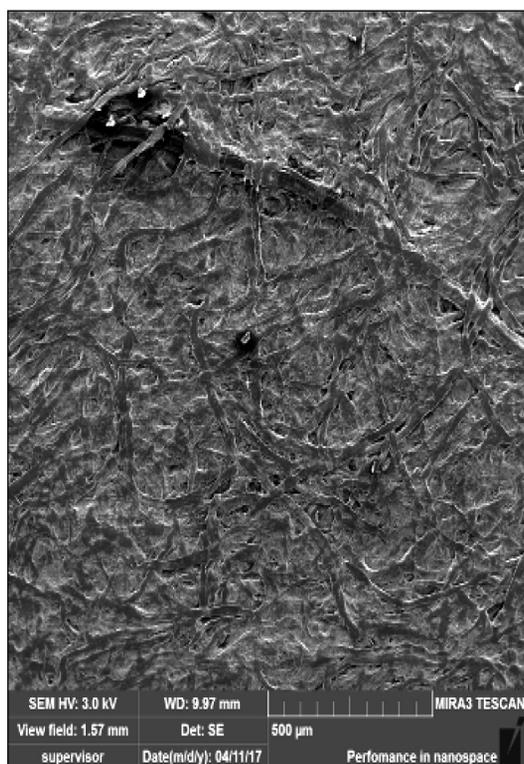

Анализ качественного состава микрочастиц бумаги исследуемых денежных билетов может быть произведен методом сканирующей электронной микроскопии на микроскопе «TESCAN MIRA 3» производства «Tescan Orsay Holding» (Чехия) с системой энергодисперсионного микроанализа «AZtecEnergy Automated» производства «Oxford Instruments» (Великобритания).

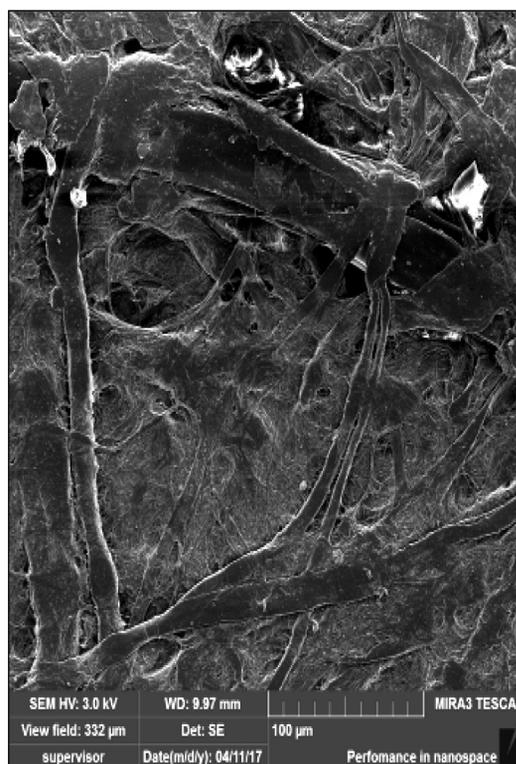
В ходе исследования изучается поверхность представленных банкнот. От одного изучаемого участка к другому участку столик в камере прибора перемещается автоматически. На каждом из них автоматически выявляются все изучаемые частицы с заданными свойствами (выступающие волокна, находящиеся в толще бумаги). Время на проведение каждого анализа, как правило, не превышает 1 часа. Проводя исследование с применением энергодисперсионного спектрометра, представляется возможным осуществлять поиск на пределе обнаружения не более 0,1 массовых процента. При этом скорость работы указанного спектрометра позволяет выполнять количественный элементный анализ одной микрочастицы на уровне минорных (примесных) компонентов не более чем за 45 минут при 0,1 секунде на составляющие элементы.

Как правило, анализ усложняется тем обстоятельством, что исследование, направленное на совокупность большого количества различных одинаковых по составу микровключений либо дифференциацию в образце единичных однородных микровключений в толще включений иного состава, требуется проводить на сканирующем электронном микроскопе, оборудованном приложением для автоматического поиска и анализа микровключений. Исследование в ручном режиме по многим тысячам микровключений требует существенно больших затрат времени и не может отличаться точностью.

На иллюстрации 1 показан внешний вид защитного волокна в общей массе целлюлозных волокон при 600-кратном увеличении. Изображение снято на микроскопе «TES-

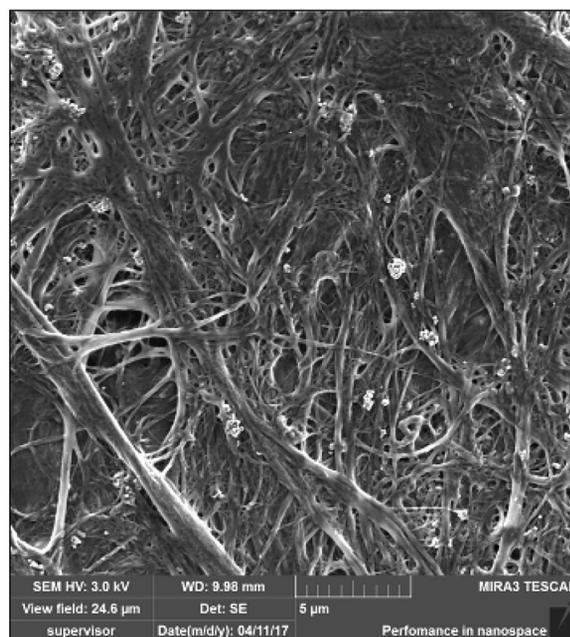
Илл. 1. Защитное волокно в общей массе целлюлозных волокон при 600-кратном увеличении

Илл. 2. Структура листа банкнотной бумаги при 1300-кратном увеличении

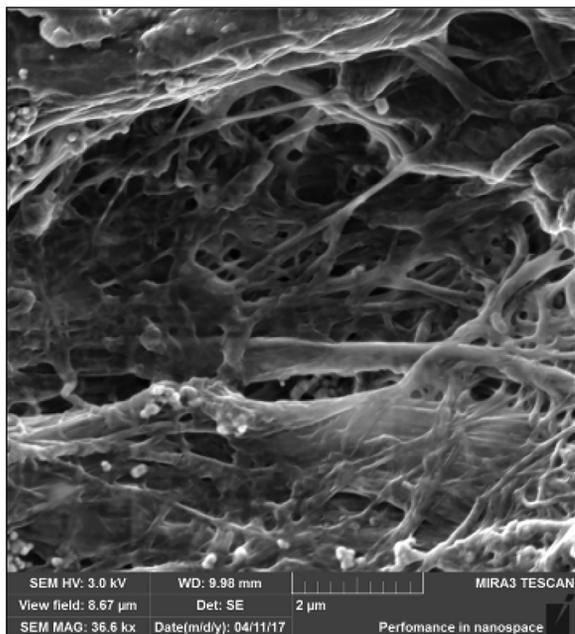
CAN MIRA 3» с применением детектора вторичных электронов при ускоряющем напряжении 3 кВ³. То же волокно при 1300-кратном увеличении показано на илл. 2.

На иллюстрации 3, снятой при 6000-кратном увеличении показана рыхлая масса целлюлозы вокруг волокна, расположенного на том же участке.

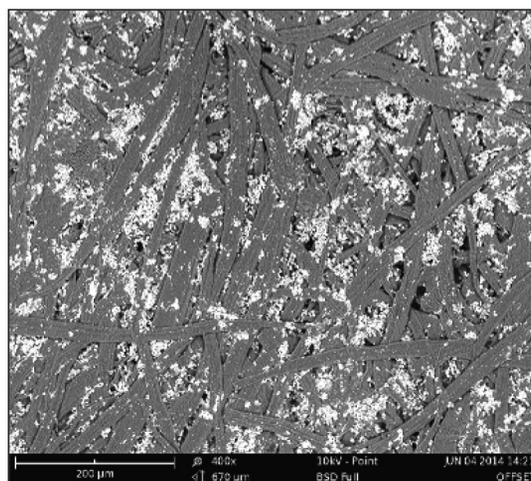
Илл. 3. Структура листа банкнотной бумаги при 6000-кратном увеличении

На иллюстрации 4, снятой при 36600-кратном увеличении, показан тот же участок поверхности листа банкнотной бумаги (денежного билета). Подобное увеличение позволяет эксперту исследовать структуру бумаги поддельных денежных билетов. При этом уже на первоначальном этапе исследования могут быть выявлены признаки различия фальсификатов с бумагой подлинных банкнот того же достоинства и года выпуска.

Илл. 4. Структура листа банкнотной бумаги при 36600-кратном увеличении

Сравнивая и сопоставляя структуру бумаги, использованной для изготовления «малоинтеллектуальных» подделок денежных купюр, можно сделать вывод о том, что такая структура бывает характерна для офсетной бумаги (илл. 5–6) или более рыхлой по свойствам бумаге для рисования (илл. 7). Приведенные иллюстрации наглядно показывают различия в структуре, основных свойствах и явные

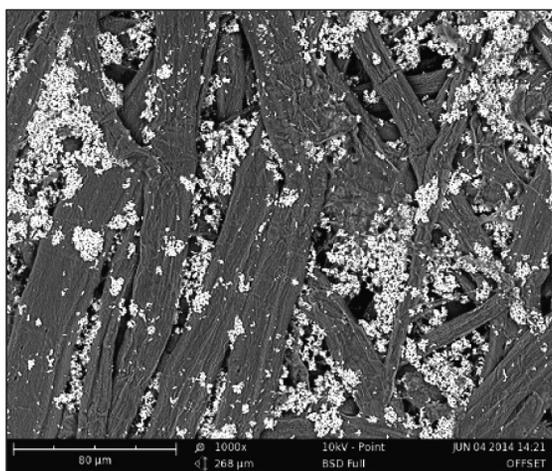
Илл. 5. Структура листа офсетной бумаги при 400-кратном увеличении

отличия бумаги, используемой для подделки денежных билетов, и подлинных банкнот того же достоинства и года выпуска.

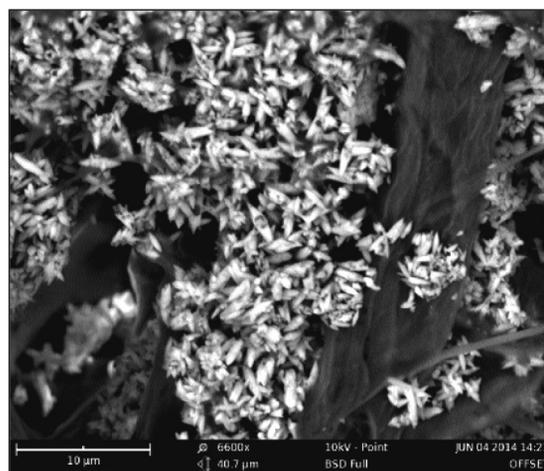
Возрастающая угроза подделки одних из самых распространенных денежных билетов достоинством в 100 и 1000 рублей, обусловила введение Банком России в обращение новых банкнот достоинством 200 и 2000 рублей, обладающих усиленным защитным комплексом.

Бумага, применяемая для производства денежных билетов, имеет особую композицию. Она состоит в основном из хлопковых и льняных волокон, которые придают ей необходимую эластичность, механическую прочность и стойкость к истиранию⁴. Новые банкноты Банка России отпечатаны на бумаге с полимерной пропиткой, что повышает их износостойкость. Композицией бумаги определяется также такая важная группа свойств, как печатно-технические. Поэтому точность передачи печатных элементов на бумаге зависит от качества поверхности⁵.

Одной из особенностей данных купюр является то, что защитные волокна окрашены с чередованием участков синего и красного цветов (илл. 8).

a

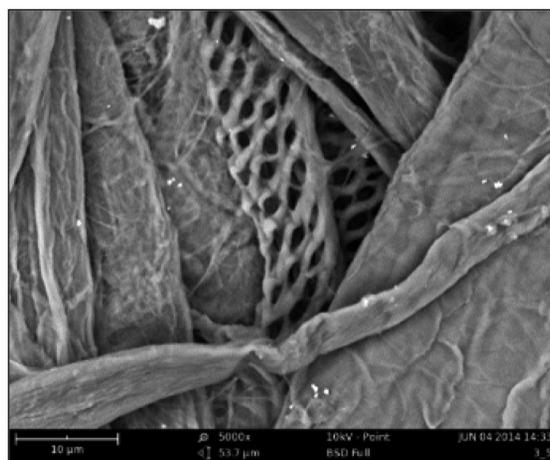

б

Илл. 6. Структура листа офсетной бумаги при 1000-кратном (а) и 6600-кратном (б) увеличении

а

б

Илл. 7. Структура листа бумаги для рисования при 1000-кратном (а) и 5000-кратном (б) увеличении

Илл. 8. Окрашенное защитное волокно на купюрном поле банкноты

Выпуск денежных билетов достоинством 200 и 2000 рублей, обладающих высокотехнологичными защитными элементами, в том числе машиночитаемыми, в значительной степени был обусловлен информацией о разнообразии, отличительных особенностях и технологии воспроизведения основных реквизитов, получаемой Банком России из судебно-экспертных источников.

С сожалением надо признать, что преступники постоянно совершенствуют технологии подделки денежных билетов. Поэтому нельзя исключать выработку ими в будущем способов фальсификации защитных элементов денежных билетов образца 2017 года. Соответственно, актуальной задачей экспертной профилактики было и остается обобщение практики выявленных в результате проведенных экспертных исследований обстоятельств, способствовавших совершению фальшивомонетничества, и возможных мер по их устранению путем повышения степени защиты новых денежных билетов.

Литература

1. Аминев Ф.Г. Роль и значение судебных экспертиз в расследовании преступлений / Ф.Г. Аминев // Эксперт-криминалист. 2008. № 2. С. 2–4.

2. Белоусов А.Г. Денежные билеты, бланки ценных бумаг и документов. Определение подлинности : учебно-методическое пособие / А.Г. Белоусов ; отв. редактор Ю.М. Дильдин. М. : ИнтерКрим-пресс, 2011. 128 с.
3. Кузовлева О.В. Материаловедение в полиграфическом и упаковочном производстве : учебное пособие / О.В. Кузовлева, В.Ю. Кузовлев. Тула : Издательство ТулГУ, 2015. 179 с.
4. Першин А.Н. Совершенствование способов защиты денежных билетов от подделки как залог предупреждения «фальшивомонетничества» / А.Н. Першин // Эксперт-криминалист. 2010. № 3. С. 32–37.
5. Сергеев А.Н. Структуры неметаллических, металлических, порошковых и нанокomпозиционных материалов в различных условиях и состояниях : учебное пособие / А.Н. Сергеев, А.Е. Гвоздев, О.В. Кузовлева, Н.Е. Стариков и др. Тула : Издательство ТулГУ, 2017. 210 с.
6. Юров А.В. Фальшивомонетничество: текущие оценки и их тенденции / А.В. Юров, В.В. Лютов // Деньги и кредит. 2006. № 12. С. 8–12.

- 1 Першин А.Н. Совершенствование способов защиты денежных билетов от подделки как залог предупреждения «фальшивомонетничества» // Эксперт-криминалист. 2010. № 3. С. 34.
- 2 Юров А.В., Лютов В.В. Фальшивомонетничество: текущие оценки и их тенденции // Деньги и кредит. 2006. № 12. С. 10.
- 3 Сергеев А.Н., Гвоздев А.Е., Кузовлева О.В., Стариков Н.Е. и др. Структуры неметаллических, металлических, порошковых и нанокomпозиционных материалов в различных условиях и состояниях : учебное пособие. Тула : Издательство ТулГУ, 2017. С. 10.
- 4 Кузовлева О.В., Кузовлев В.Ю. Материаловедение в полиграфическом и упаковочном производстве : учебное пособие. Тула : Издательство ТулГУ, 2015. С. 35.
- 5 Белоусов А.Г. Денежные билеты, бланки ценных бумаг и документов. Определение подлинности: учебно-методическое пособие / отв. редактор Ю.М. Дильдин. М. : ИнтерКрим-пресс, 2011. С. 84.

Нетрадиционные виды следов, используемые в раскрытии и расследовании преступлений*

Майлис Надежда Павловна,
профессор кафедры судебных экспертиз и криминалистики
Российского государственного университета правосудия,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
jlmaylis@yandex.ru

Статья посвящена новым нетрадиционным видам следов, способствующих раскрытию и расследованию преступлений, образующихся в интернет-пространстве. Рассматриваются вопросы о месте нетрадиционных следов в системе судебных экспертиз, использовании терминологического аппарата, принятого в трасологии при исследовании электронно-цифровых, речевых следов. Указывается на значимость комплексного подхода при их изучении.

Ключевые слова: след, механизм следообразования, трасология, микрообъекты, микроследы.

The article is dedicated to new unconventional types of traces that help solve and investigate crimes in the Internet. Issues of the role of unconventional traces within the system of forensic examinations, application of nomenclature adopted for trace evidence analysis of electronic and digital, speech traces are examined. The importance of a complex approach to their examination is underlined.

Keywords: trace, trace formation mechanism, trace evidence analysis, microscopic object, microscopic traces.

Следы преступлений, как известно, в следственной и судебной практике занимают важное место и играют большую роль в доказывании не только по уголовным и гражданским делам, но и по иным правонарушениям.

В судебной экспертизе изучаются и исследуются различные виды следов: материальные, идеальные, запаховые, биологические, речевые и многие другие.

Значение следов с криминалистической точки зрения определяется возможностью установления по ним важных обстоятельств расследуемого преступления: его механизма и характерных для него причинных связей преступника и использованных им орудий преступления, способов совершения преступления и т.д.

В практике раскрытия и расследования преступлений всегда анализируются различные виды следов, которые остаются на месте происшествия. Это, как правило, материальные, так называемые традиционные следы, оставляемые человеком, орудиями и инструментами, транспортными средствами и животными, которые изучаются и исследуются в рамках трасологии. Подробная классификация таких следов нами приводилась в различных работах, в том числе в учебниках, курсах лекций и научных статьях¹.

Кратко напомним, что понятие «след» в трасологии является ключевым, и неслучайно в разные периоды развития трасологии, начиная с середины 20-х годов прошлого столетия, учеными предлагались различные его определения. Формировалось это понятие вначале в рамках криминалистики учеными, которые стояли у истоков формирования ее научных основ. Среди плеяды того времени отметим И.Н. Якимову, С.М. Потапова, Н.В. Терзиева, Б.И. Шевченко. В последующие годы большой вклад в развитие учения о следах (так назывался этот раздел до конца 30-х годов XX века) внесли И.Ф. Крылов, Р.С. Белкин, А.И. Винберг, Б.М. Комаринец, Ю.Г. Корухов, Г.Л. Грановский, В.Е. Корноухов и другие ученые.

Многочисленные материальные следы и объекты, выступающие в качестве вещественных доказательств, исследуются в рамках трасологии. Изучаются не только признаки внешнего строения объектов в процессе идентификации, но и комплекс функциональных признаков, профессиональных навыков, привычек, физические свойства объекта, которые отображаются в следах на месте происшествия.

Трасология в настоящее время является достаточно разработанной областью знаний. Ее теоретические основы и методы давно используются при производстве многих видов экспертиз: баллистических, взрывотехнических, материаловедческих, судебно-биологических, автотехнических, фоноскопических и др. Наряду с этим термины и методы исследования трасологии применяются и в рамках других научных направлений, в частности, в судебной медицине, гистологии, археологии, геологии, почвоведении и других. Это подчеркивает ее методологическую функцию по отношению как к криминалистическим и судебным экспертизам, так и к различным областям знаний.

Благодаря развитию научно-технического прогресса продолжают совершенствоваться имеющиеся роды (виды) судебных экспертиз и разрабатываться новые частные научные направления. Организация новых родов и видов экспертной деятельности является естественным процессом, обусловливается новыми видами совершаемых преступлений и новыми задачами, ставящимися перед экспертами.

Например, развитие высоких технологий привело в начале 90-х годов XX века к появлению компьютерной преступности, что послужило созданию нового рода, по предложению одних авторов, экспертизы компьютерных средств, судебной компьютерно-технической экспертизы, экспертизы информационных технологий, по мнению других. В настоящее время это уже класс, в котором сформулированы предмет, объект и задачи экспертизы, определены ее цели, выделены самостоятельные роды и виды. К объектам такой экспертизы относятся компьютерные средства: аппаратные объекты; программные объекты и информационные объекты (данные).

Сегодня происходит углубленное изучение электронной информации, ее следов, исследование которых позволяет получить фактические данные, используемые в качестве доказательств.

В век научно-технического прогресса, а также с развитием различных инновационных технологий, широко используемой компьютерной техники появляются новые виды преступлений, при совершении которых остаются различного рода следы на электронных носителях. Эти следы ученые и практики называют по-разному: «виртуальные следы», «информационные следы», «компьютерные следы», «бинарные следы».

* Unconventional Types of Traces Used in Solution and Investigation of Crimes

Maylis Nadezhda P., Professor of the Department of Forensic Examinations and Criminalistics of the Russian State University of Justice, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor

Так, В.Б. Вехов называет такие следы электронно-цифровыми и достаточно убедительно доказывает их состоятельность и возможность изучения при раскрытии преступлений, которые совершаются с использованием сети Интернет. По его мнению, понятие электронно-цифрового следа охватывает криминалистически значимую информацию, выраженную посредством электромагнитных взаимодействий или сигналов в форме, пригодной для обработки с использованием компьютерной техники, зафиксированную на материальном носителе, без которого она не может существовать².

Поскольку такие следы невидимы, но материальны, следует обратиться опять же к основам трасологии. Как известно, одним из важных ее разделов является микро-трасология. Основная задача микро-трасологии — изучение закономерностей возникновения особого рода вещественных доказательств — небольших микроскопических объектов: микроследов и микрочастиц. Эти закономерности отличаются от закономерностей, характеризующих обычные, достаточно крупные объекты. Они обусловлены либо необычными способами совершения преступления, либо необычными свойствами следообразующих объектов.

Другая не менее важная задача микро-трасологии заключается в разработке средств, приемов (методов) обнаружения, фиксации, изъятия и исследования микрообъектов.

Микро-трасология, как подраздел трасологии, основывается на совокупности базовых наук, знания которых определяют методику микро-трасологических экспертных исследований.

Отображение микрорельефа имеет свои особенности: оно лишь в незначительной степени зависит от условий взаимодействия и свойств следообразующего и следовоспринимающего объектов и в значительной, большей степени, чем отображение макродеталей, определяется вероятностными закономерностями.

Микро-трасология и трасология занимаются исследованием следов. Однако как сами объекты (в первую очередь следы), так и используемые при их изучении методы различны. Как известно, в трасологии различают четыре основных вида исследуемых объектов: следы человека; орудий, механизмов и инструментов; транспортных средств и животных. Независимо от вида трасологической экспертизы различают следующие виды микрообъектов, в которых отображаются свойства идентифицируемого и диагностируемого объекта, служащие средством отождествления или диагностирования: микроследы и микропризнаки обычных (макро) следов, изымаемых в процессе осмотра места происшествия или вещественного доказательства; следы-образцы и экспериментальные следы проверяемых объектов, содержащие отображения их микрорельефа; микрочастицы, при исследовании которых решаются вопросы о тождестве целого, факте контактного взаимодействия или механизме следового взаимодействия.

Микроследы — это такие отображения объектов, форму и размеры которых можно определить только с помощью микроскопической техники, увеличивающей остроту зрения.

К микро-трасологии относятся не только микро-, но и ультрамикробиологические объекты. От микрообъектов их отличают границы невидимого, то есть все, как принято в трасологии, что меньше 0,1–0,08 мм, относится к ультрамикробиологическим.

Методы, предназначенные для исследования микрообъектов, несколько отличаются от технических средств традиционной трасологии.

При фиксации же электронно-цифровых следов используется свой комплекс методов и приемов, технических средств, а также порядок их применения.

Проблема состоит в том, к какой же группе отнести новые нетрадиционные следы. Если говорить с точки зрения их материальной природы, то они, вероятно, должны относиться к ультрамикробиологическим.

Другим видом нетрадиционных следов являются так называемые речевые следы. По мнению Е.И. Галяшиной, с точки зрения следообразования это информация, запечатленная при помощи языка и посредством речевой деятельности в слове в результате следового контакта следообразующего и следово-

спринимаящего объектов³. Не приводя дословно понятия следообразующего и следовоспринимающего объекта, сформулированные автором, мы хотели таким образом подчеркнуть заимствование терминов из трасологии в речеведении.

Появление новых нетрадиционных видов следов в криминалистике и судебной экспертизе и, соответственно, в экспертной практике свидетельствует о расширении возможностей института судебной экспертизы, в частности, за счет использования специальных знаний, способствующих раскрытию преступлений в экономической, финансовой и других сферах человеческой деятельности. Несмотря на то что нетрадиционные виды следов имеют свою специфику образования, их обнаружения и фиксации, исследование осуществляется на основе принятых в трасологии подходов, с использованием давно устоявшейся терминологии (след, механизм следообразования, следообразующий и следовоспринимающий объекты и др.). Не вдаваясь в подробный анализ специфики механизма образования обозначенных новых видов следов (это прерогатива специалистов, в том числе в области информационно-коммуникационных технологий), подчеркнем еще раз большую роль трасологии, которая осуществляет методологическую функцию по отношению ко многим родам и видам судебных экспертиз.

Более того, на наш взгляд, как и при исследовании многих материальных следов, к новым видам требуется комплексный подход с учетом использования знаний из различных областей. Для качественного проведения экспертиз эксперты должны обладать знаниями из смежных наук и хорошо ориентироваться в тех или иных технологических процессах.

Изложенное подтверждает, что современные подходы при производстве различных видов экспертиз повышают их качество, усиливают достоверность полученных результатов и, как следствие этого, способствуют более эффективному раскрытию и расследованию преступлений.

Литература

1. Аминев Ф.Г. О современных возможностях криминалистического исследования трасологических объектов / Ф.Г. Аминев // Эксперт-криминалист. 2011. № 3. С. 28–29.
2. Вехов В.Б. Основы криминалистического учения об исследовании и использовании компьютерной информации и средств ее обработки : монография / В.Б. Вехов. Волгоград : ВА МВД России, 2008. 404 с.
3. Галяшина Е.И. Речевые следы как объекты судебных экспертиз (в свете идей Р.С. Белкина) / Е.И. Галяшина // Современное состояние криминалистики и судебной экспертизы как реализация идей Р.С. Белкина : материалы Международной научно-практической конференции «К 95-летию со дня рождения ученого, педагога, публициста» (г. Москва, 22–13 ноября 2017 г.). М. : РГ-Пресс, 2018. С. 189–193.
4. Майлис Н.П. Учение о следах: вчера, сегодня, завтра / Н.П. Майлис // Эксперт-криминалист. 2014. № 3. С. 36–38.
5. Майлис Н.П. Трасология и трасологическая экспертиза : курс лекций / Н.П. Майлис. М. : Российский государственный университет правосудия, 2015. 274 с.
6. Фролов Ю.П. Объективные и субъективные следы — необходимые элементы классификационной системы трасологии / Ю.П. Фролов // Эксперт-криминалист. 2007. № 2. С. 21–24.

¹ См., напр.: Майлис Н.П. Учение о следах: вчера, сегодня, завтра // Эксперт-криминалист. 2014. № 3. С. 36–38; Майлис Н.П. Трасология и трасологическая экспертиза. Курс лекций. М., 2015; и др.

² Вехов В.Б. Основы криминалистического учения об исследовании и использовании компьютерной информации и средств ее обработки : монография. Волгоград, 2008. С. 87.

³ Галяшина Е.И. Речевые следы как объекты судебных экспертиз (в свете идей Р.С. Белкина) // Современное состояние криминалистики и судебной экспертизы как реализация идей Р.С. Белкина : материалы Международной научно-практической конференции «К 95-летию со дня рождения ученого, педагога, публициста» (г. Москва, 22–13 ноября 2017 г.). М., 2018. С. 189.

Понятие, возможности и перспективы использования биологических методов в судебной экспертизе и криминалистике*

Моисеева Татьяна Фёдоровна,

заведующая кафедрой судебных экспертиз и криминалистики
Российского государственного университета правосудия,
доктор юридических наук, кандидат биологических наук, профессор
moiseevatf@mail.ru

В статье рассматриваются возможности использования в криминалистике и судебной экспертизе живых организмов как детекторов различных веществ. Показаны преимущества ольфакторного метода в исследовании запаховых следов человека.

Ключевые слова: криминалистика, судебная экспертиза, запаховые следы, биологические детекторы, ольфакторный метод.

The article deals with the possibility of using living organisms as detectors of various substances in forensic science and forensic examination. The advantage of olfactory method in the study of human odor traces is shown.

Keywords: criminalistics, forensic examination, odor traces, biological detectors, olfactory method.

Понятие биологических методов можно рассматривать с двух позиций. По аналогии с понятием химических и физических методов биологические методы предназначены для установления биологических свойств объектов, которые определяются составом и строением объектов. Такие биологические свойства, как запах, вкус, связаны с наличием конкретных веществ, воздействующих на рецепторы живых организмов. Биологические свойства присущи только объектам биологической природы. Следовательно, биологические методы — это методы анализа состава и строения объектов биологической природы.

Однако состав и строение биологических объектов можно определять также и современными химическими, физико-химическими, биохимическими (спектральными, рентгеновскими, хроматографическими) методами. Так, при анализе ДНК используются: биологический метод рестрикции молекулы ДНК и копирования участков ДНК с помощью ферментов; химические методы выделения и окрашивания; физико-химические методы разделения фрагментов ДНК с помощью электрофореза и их количественная оценка содержания спектральными методами.

В настоящее время подход к определению понятия биологических методов основан на использовании объектов биологического происхождения в качестве индикаторов (биологических детекторов) качественного и количественного содержания органических и неорганических веществ в исследуемых объектах. При этом сами объекты исследования могут иметь и не биологическое происхождение.

По сравнению с инструментальными аналитическими методами биологические методы обладают рядом преимуществ — очень высокой чувствительностью и избирательностью. Причем если первое преимущество постепенно утрачивает свое значение в связи с разработкой новых высокочувствительных инструментальных детекторов, то избирательность (возможность определения интересующего компонента в смеси с другими, без их разделения) в настоящее время является очень значимым аргументом в пользу их использования.

В качестве биологических индикаторов возможно использование самых разнообразных объектов — микробов, простейших, млекопитающих, растений и т.п.

Наиболее распространенными биологическими индикаторами, используемыми в научных исследованиях и практической деятельности, являются микроорганизмы. Принцип их действия заключается в том, что их развитие возможно в среде строго определенного состава. Изменение состава среды приводит к изменению их свойств или изменению динамики их развития, что можно наблюдать.

В криминалистике и судебной экспертизе микробиологические исследования еще не нашли должного применения, хотя предлагались методики микробиологического выявления отпечатков пальцев и подходы к идентификации и диагностике свойств человека по составу микробной флоры кожного покрова¹.

Перспективным направлением является использование микроорганизмов при расследовании экологических преступлений для экспресс-анализа содержания вредных веществ или их следов, свидетельствующих о предыдущем загрязнении.

Изменение поведенческих реакций живых организмов, как реакция на определенные вещества, может быть обусловлено как генетически, так и выработанным специальной подготовкой.

Например, пчелы используются в качестве детекторов взрывчатых и наркотических веществ. Английская фирма Inscintel разработала «пчелиный детектор» VASOR (*Volatile Analysis by Specific Olfactory Recognition* — анализ летучих веществ с помощью особого обонятельного распознавания. — Т.М.)². Использование насекомых-детекторов для анализа широкого круга веществ представляется достаточно перспективным. Их можно использовать для определения качества продуктов питания, поиска контрафактных товаров и даже изобличения наркоторговцев. Были сообщения американских ученых о том, что им удалось натаскать пчел на обнаружение кокаина и метамфетамина³.

Использование животных в качестве детекторов вредных веществ известно достаточно давно. Канарейки

* Notion, Capabilities and Perspectives of Using Biological Methods in Forensic Examination and Criminalistics

Moiseeva Tatyana M., Head of the Department of Forensic Examinations and Criminalistics of the Russian State University of Justice, Doctor of Law, Candidate of Biological Sciences, Professor

в шахте использовались для обнаружения опасных газов, крысы — для поиска мин. Кроме того, показано, что они являются очень чувствительными детекторами индивидуального запаха человека⁴.

Обоняние живых организмов лежит в основе ольфакторного метода, который давно используется в криминалистике, а также стал основой формирования судебной экспертизы запахов следов человека.

Традиционно для поиска преступников по следам его запаха использовали собак-детекторов. Первый питомник служебных собак-ищейек для помощи в поиске преступников, похищенных ими вещей, пропавших без вести людей, был создан в 1810 г. по инициативе Франсуа Эжена Видока во Франции при уголовной полиции Парижа⁵.

Собаки используются как детекторы запаха не потому, что обладают уникальной чувствительностью или обучаемостью (идентифицировать человека по его запаху возможно и с помощью крыс и многих диких животных, например, львов), а вследствие хорошего контакта с человеком, неприхотливостью в содержании и относительной легкостью в обучении, сопоставимости времени обучения со сроками жизни (работы) животного.

Обонятельный анализатор собаки — типичного макросматика животного мира — обладает уникальной чувствительностью и избирательностью, что наряду с достаточно высоким уровнем развития мозга собаки обеспечивает возможность безошибочного узнавания запаха по информации, «закладываемой» в память животного (задаваемый запах) и позволяет успешно вырабатывать у нее необходимые навыки для использования в качестве биологического детектора.

В чем преимущество ольфакторного метода перед инструментальными методами исследования веществ? С одной стороны, в простоте и доступности, с другой — в высокой чувствительности и избирательности. Собака-детектор способна за несколько секунд запомнить заданный к поиску запах и так же быстро выделить его из десятка других запаховых объектов. Максимальная оперативность в получении такой информации о запахе является главной особенностью и одним из основных преимуществ в работе обонятельного анализатора собаки перед инструментальным исследованием пахучих веществ.

Собаки в качестве детекторов запаха востребованы в оперативной деятельности правоохранительных органов при обнаружении трупов, живых лиц, наркотиков и взрывчатых веществ. Последнее особенно актуально в современном мире для предотвращения терактов.

Не менее востребовано в последние десятилетия применение собак — детекторов индивидуального запаха человека в судебно-экспертных исследованиях.

Для экспертного анализа некоторых веществ (например, таких как взрывчатые и наркотические вещества) лабораторное исследование целесообразно проводить инструментальными методами (собаки-детекторы незаменимы для поиска таких веществ в оперативной работе в аэропортах, вокзалах и т.п.). В то же время исследование запахов следов человека инструментальными методами не представляется возможным, поскольку не расшифровано, какие вещества и каким образом определяют индивидуальность человека при его детекции по запаху.

Только ольфакторное исследование с использованием собак — детекторов индивидуального запаха позволяет идентифицировать человека по его запаховым следам.

Кроме того, несомненное преимущество ольфакторного метода для таких исследований заключается не столько в высокой чувствительности носа собаки (современные аналитические приборы обладают детекторами, сопоставимыми по чувствительности с собакой⁶), а в высокой избирательности, позволяющей выявлять каждого индивида из смеси запахов других лиц.

Большое значение для уголовного судопроизводства имеет идентификация человека по следам его запаха на месте происшествия. В результате непрерывных физиологических процессов в организме, взаимодействия субъекта с материальными объектами окружающей среды его запаховые следы всегда остаются на предметах, с которыми он соприкасался, либо в воздухе. Запаховые следы имеют причинно-следственную связь с событием преступления, содержат индивидуализирующую информацию о человеке и не могут быть стерты или замаскированы самим следообразующим субъектом.

Исследование таких следов стало возможным после того, как был разработан способ их изъятия и хранения для последующего анализа в лабораторных условиях.

О консервировании запаховых следов писал еще Ганс Гросс в своей знаменитой работе «Руководство для судебных следователей как система криминалистики». Он рекомендовал использовать плотно закупориваемые стеклянные и жестяные банки для хранения предметов — носителей запаховых следов. Например, описывая свойство волос удерживать запахи, он рекомендовал «поместить их в безусловно чистом сосуде, по возможности небольшом и герметически закупоренном... в склянку тонкого стекла с герметично закупоривающейся пробкой»⁷.

Именно такой способ консервации в стеклянных банках с герметичными стеклянными крышками используется в практике российских криминалистов для хранения запаховых проб с мест происшествий.

В 1964 г. группой криминалистов в составе А.И. Винберга, В.В. Безрукова, М.Г. Майорова и Р.М. Тодорова был предложен способ собирания и консервации для последующего использования запаховых следов человека⁸. Однако предложенный ими метод изъятия следов путем откачивания воздуха над следом на сорбенты оказался неэффективным.

Большой вклад в создание методики сбора и консервации следов запаха с места происшествия был сделан учеными-криминалистами Германской Демократической Республики. В первой половине 70-х годов XX века В. Дерда, Г. Крюгер и А. Лебль предложили способ, основанный на плотном контакте впитывающих салфеток из материала сорбента со следами пахучих веществ на месте происшествия для сбора пахучих веществ с запаховых следов, достаточных для проведения идентификации человека⁹.

В технику сбора запаховых следов были внесены новые приемы, а именно получение проб на месте происшествия и запаховых образцов с тела проверяемого лица путем его контакта с хлопчатобумажными салфетками с последующей их герметизацией в стеклянных банках. Немецкие криминалисты первыми отказались от использования упаковки из полимерных материалов, которые препятствуют рассеиванию пахучих веществ. Для уплотнения контакта салфеток со следоносителем и защиты запаховых следов немецкие исследователи впервые стали применять алюминиевую фольгу, предложили лабораторную форму выявления таких следов и специализацию применяемых собак (собак-детекторов)¹⁰.

Поскольку результаты судебной экспертизы являются доказательствами, то требования к проведению таких исследований очень высоки, так как должен обеспечиваться достоверный результат. Проблема заключается в том, что мы не знаем до конца механизм работы данного биологического детектора, поэтому требуется использование методики, обеспечивающей контроль за функциональным состоянием собаки-детектора.

Методика исследования запаховых следов человека, разработанная в России, отличается от методик, принятых в других странах. Главное ее отличие от зарубежных методик заключается в подходах к формированию сравнительного ряда. Отечественная методика идентификации человека

по его запаховым следам предусматривает контрольные этапы, позволяющие судить о готовности собаки-детектора к работе, об отсутствии или наличии сбивающих факторов в исследуемых образцах запаха с места происшествия (в последнем случае их можно нейтрализовать)¹¹.

В России объекты исследования и сравнительные образцы, нанесенные на фланелевые салфетки, помещают в стеклянные банки, расставленные по кругу на расстоянии 1 м, а не на металлических трубках в ряд. Один эксперт готовит и расставляет объекты, другой водит собаку. Перед каждым применением собаки-детектора проверяют ее функциональное состояние (готовность к работе) и отсутствие помех в пробе с места происшествия.

За рубежом объекты располагаются в 1 или 2 линии при отсутствии эталонной пробы — запаховой пробы, идентичной (по индивидуализирующим человека запаховым веществам) пробе, задаваемой к поиску. Расположение объектов сравнительного ряда в линию приводит к уменьшению количества вариантов перестановок и влияет на качество работы собаки, поскольку места начала и окончания движения остаются постоянными, что ведет к увеличению ошибочных результатов.

Отсутствие эталона в ряду сравнительных объектов не позволяет контролировать процессы запоминания и распознавания биодетектором ольфакторных характеристик задаваемой запаховой пробы, оценить правильность регистрируемых сигналов и функциональную готовность собаки к выполнению поставленной задачи.

Особенность предъявления запаховых объектов с места происшествия в сравнительном ряду расположенных по кругу идентичных по внешнему виду сравнительных образцов и применение не менее двух собак в трех повторностях обуславливают достоверность полученных результатов. Было показано, что достоверность таких исследований при положительной реакции трех собак, каждую из которых применяли в трех повторностях, составляет 1.02 × 10⁻⁸, что сопоставимо с методикой ДНК-анализа, и позволяет делать однозначные категорические выводы¹².

Как показали проведенные ранее исследования, собака-детектор анализирует фракцию свободных жирных кислот в следах пота или крови человека, в которой заключена индивидуальность запаха человека. До настоящего времени не установлено, чем определяется такая индивидуальность (количественными соотношениями либо изомерными формами свободных жирных кислот). Это не позволяет использовать инструментальные методы для анализа веществ при идентификации человека по его запаховым следам. Однако и при расшифровке данного кода преимущество биодетектора, позволяющего анализировать индивидуальный запах человека в смеси с запахами других людей, останется решающим при выборе метода исследования.

Анализ применения биологических детекторов в криминалистике и судебной экспертизе позволяет констатировать, что высокая чувствительность, а главным образом избирательность биологических детекторов определяет их преимущества перед инструментальными детекторами, которые даже теоретически не представляется возможным преодолеть. Основная проблема их использования заключается в подготовке (настройке) биодетекторов и особенно в контроле за адекватностью их реакций, чтобы не было сомнений в достоверности результатов применения.

Перспективы развития биологических методов в судопроизводстве связаны с поиском и внедрением новых биодетекторов, решением с их помощью новых задач и более эффективным применением ольфакторного метода в криминалистике и судебной экспертизе.

Литература

1. Безруков В.В. Устройство для консервирования запахов : А.с. № 130498 (СССР) от 26.06.1965, по заявке № 964199 с приоритетом 06.03.1965 /

В.В. Безруков, А.И. Винберг, М.Г. Майоров, Р.М. Тодоров // Открытия. Изобретения : Бюллетень. М., 1966. № 12. С. 83.

2. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. / Г. Гросс. М. : ЛексЭст, 2002. 1088 с.
3. Дерда В. Идентификация консервированных запахов как эффективный инструмент криминалистической работы — на основе практики и современного опыта / В. Дерда // Тез. докл. на 2-м международном конгр. кинологов. Будапешт : НИКК ДНМ, 1976. С. 24–28.
4. Кисин М.В. Использование консервированного запаха в раскрытии преступлений / М.В. Кисин, Г. Петранек, К.Т. Сулимов [и др.]. Москва — Берлин : ВНИИ МВД СССР — Ки ННП МВД ГДР, 1983. 120 с.
5. Койсин А.А. Современные методы исследования запаховых следов (образований) / А.А. Койсин // Эксперт-криминалист. 2008. № 2. С. 37–39.
6. Моисеева Т.Ф. Криминалистическая микробиология: возможности и перспективы / Т.Ф. Моисеева // Криминалистика и судебная экспертиза: наука, обучение, практика IX : сборник научных статей. Вильнюс : Charkovas, 2013. Ч. 1. С. 274–280.
7. Панфилов П.Б. Вероятностно-статистическое обоснование достоверности ольфакторных исследований запаховых следов человека в судебной экспертизе с использованием собак-детекторов / П.Б. Панфилов // Нейронауки. 2006. № 1 (3). С. 24–29.
8. Старовойтов В.И. Специальные знания и средства в судебной экспертизе пахнущих следов человека / В.И. Старовойтов // Эксперт-криминалист. 2010. № 4. С. 33–36.
9. Трегубов С.Н. Основы уголовной техники, научно-технические приемы расследования преступлений / С.Н. Трегубов. М. : ЛексЭст, 2002. 336 с.

¹ Моисеева Т.Ф. Криминалистическая микробиология: возможности и перспективы // Криминалистика и судебная экспертиза: наука, обучение, практика IX : сборник научных статей. Вильнюс : Charkovas, 2013. Ч. 1. С. 274–280.

² URL: <https://www.pergam.ru/articles/biogasanalyzer.htm> (дата обращения: 12.04.2018).

³ URL: <http://animalworld.com.ua/news/Pchel-gotovjat-stat-tajnymi-agentami-specsluzhb> (дата обращения: 12.04.2018).

⁴ URL: <http://www.membrana.ru/particle/840> (дата обращения: 12.04.2018).

⁵ Трегубов С.Н. Основы уголовной техники, научно-технические приемы расследования преступлений. М. : ЛексЭст, 2002. С. 141–143.

⁶ Койсин А.А. Современные методы исследования запаховых следов (образований) // Эксперт-криминалист. 2008. № 2. С. 37–39.

⁷ Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. М. : ЛексЭст, 2002. С. 239.

⁸ Безруков В.В., Винберг А.И., Майоров М.Г., Тодоров Р.М. Устройство для консервирования запахов: А.с. № 130498 (СССР) от 26.06.1965, по заявке № 964199 с приоритетом 06.03.1965 // Открытия. Изобретения : Бюллетень. М., 1966. № 12. С. 83.

⁹ Дерда В. Идентификация консервированных запахов как эффективный инструмент криминалистической работы — на основе практики и современного опыта // Тез. докл. на 2-м международном конгрессе кинологов. Будапешт : НИКК ДНМ, 1976. С. 24–28.

¹⁰ Кисин М.В., Петранек Г., Сулимов К.Т. [и др.]. Использование консервированного запаха в раскрытии преступлений. Москва — Берлин : ВНИИ МВД СССР — Ки ННП МВД ГДР, 1983.

¹¹ Старовойтов В.И. Специальные знания и средства в судебной экспертизе пахнущих следов человека // Эксперт-криминалист. 2010. № 4. С. 33–36.

¹² Панфилов П.Б. Вероятностно-статистическое обоснование достоверности ольфакторных исследований запаховых следов человека в судебной экспертизе с использованием собак-детекторов // Нейронауки. 2006. № 1 (3). С. 24–29.

Пресс-релиз

VI Международной научно-практической конференции «Уголовное производство: Процессуальная теория и криминалистическая практика» (г. Алушта, 26–27 апреля 2018 г.)

Конференция проводилась в преддверии 100-летия образования Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Соорганизаторами выступили кафедра уголовного процесса и криминалистики Таврической академии федерального университета, Следственное управление МВД по Республике Крым и Главное следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Республике Крым. В работе конференции приняли участие более 60 ученых и практиков из Российской Федерации, Республики Беларусь, Китайской Народной Республики, Республики Узбекистан, Украины и г. Донецка.

Этот форум, ставший традиционным, ежегодно в конце апреля собирает не только ученых — специалистов в области уголовного процесса и криминалистики, но и практиков — следователей крымских подразделений МВД и Следственного комитета Российской Федерации, а также экспертов различных специальностей.

Особенностью программы конференции является то, что она объединяет несколько совершенно разных научных и прикладных площадок. Практики с интересом общаются с теоретиками, обсуждают актуальные проблемы противодействия преступности, участвуют в мастер-классах.

В этот раз профессор Ю.П. Гармаев (г. Улан-Удэ) в ходе тренинга со следователями Следственного комитета РФ обсуждал проблему противодействия расследованию путем необоснованных обвинений лиц, несущих бремя доказывания, в коррупции и давал рекомендации по его нейтрализации. Психолог, кандидат юридических наук О.Г. Карнаухова (г. Санкт-Петербург), сама в недавнем прошлом работавшая следователем, провела занятие с сотрудниками органов внутренних дел по тактике допроса в конфликтной ситуации.

Их крымские коллеги сделали акцент на трудностях общения эксперта и следователя, в том числе, если можно так выразиться, на особенностях перевода с «юридического» языка на «экспертный» и наоборот. Эксперты-криминалисты из Беларуси представили отчет о результатах использования видеоспектрального компаратора «Регула» при производстве искусствоведческой экспертизе по заказу таможенных органов.

Живой интерес вызвало выступление нижегородских ученых о возможностях лазерного 3D-сканирования потенциальных объектов криминалистического исследования с последующим созданием реплик этих объектов с помощью 3D-принтера. На данные методики возлагают большие надежды трасологи, баллисты и судебные медики. Очевидно, что 3D-сканирование позволило бы оптимизировать работу с некоторыми следами (например, следами зубов на скоропортящихся продуктах и жевательной резинке), сократить время фиксации следов авто-, мототранспортных средств, повысить результативность криминалистической регистрации баллистических объектов.

Опытом использования сканера высокого разрешения поделились представители Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). При проведении технической экспертизы документов они успешно визуализировали так называемые «желтые точки» — маловидимые идентификационные метки принтера, позволяющие его идентифицировать в целях выявления подлогов.

Организаторы конференции рассказали гостям об истории своего университета, а председатель Оргкомитета заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики М.А. Михайлов отметил, что не только федеральный университет в целом, но и кафедра переживает подъем, реализуя, в частности, большую программу по созданию учебно-исследовательского лабораторного комплекса по криминалистике и судебной экспертизе. В планах кафедры — ведение на создаваемой базе не только учебной и научно-исследовательской деятельности, но и производство судебно-экспертных исследований, что открывает простор для сотрудничества участников конференции и после ее окончания.

Гости получили сборник опубликованных материалов конференции. Их электронная копия направляется в Научную электронную библиотеку для индексации в наукометрической базе РИНЦ. Среди участников был распространен второй выпуск 145 уже оцифрованных выпусков «Следственной практики» за 1950–1984 годы. Поиск оставшихся трех номеров продолжается. Опыт предшественников востребован в научно-исследовательской и педагогической работе.

При подведении итогов участники отметили доброжелательную атмосферу мероприятия, способствовавшую эффективному его проведению. Были высказаны предложения о расширении формата конференции в целях обсуждения более узких, но актуальных проблем в рамках специализированных круглых столов.